

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

БЕЗ ТОРМОЗОВ

00

ЕКАТЕРИНА ОРЛОВА

Екатерина Орлова
Без тормозов
Серия «Безудержные», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66620234

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-93955-4

Аннотация

Чужая. Неприступная. Наконец моя. Один опрометчивый поступок, и она ушла. Долгие восемь лет я выжидал, наблюдал, лелеял свою одержимость. Но с меня хватит, я не желаю жить без нее. Ты будешь сопротивляться, мой Ангел? Прости, но я не оставлю тебе ни единого шанса.#откровенно
#чувства_на_границахСодержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	29
Глава 5	38
Глава 6	46
Глава 7	53
Глава 8	62
Глава 9	70
Глава 10	79
Глава 11	87
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Екатерина Орлова

Без тормозов

Пролог

– Тимур! Не делай этого! Прошу тебя! Ты же не зверь!

Я слышу голос Веры, но не могу остановиться. Пятки горят, а внутри разрастается огромная дыра. Выдернув руку из ее хватки, я киваю охраннику, веля задержать моего Ангела. Сквозь красную пелену перед глазами вижу очертания своей машины. Запрыгиваю в нее, завожу мотор и под крики Веры срываюсь с места, поднимая в воздух мелкий гравий, который наверняка царапает краску автомобиля. До скрипа сжимаю кожаный руль и едва сдерживаюсь, чтобы не прибавить скорость. Двести – это и так слишком много для плотного трафика, но я спешу, как будто могу не успеть совершить убийство. Хотя нельзя исключать такую возможность, ведь Вера может позвонить ублюдку и предупредить о моем визите. Перед глазами все плывет, разум словно в тумане, лишь адские кадры увиденного всплывают в моем сознании. Синяки, порезы, гематома на все бедро. Пиздец, я убью его, отсижу и выйду, только бы не дать ему продолжить свои зверства. Но нет, он точно больше не сможет причинить ей боль, уж я об этом позабочусь.

Через полчаса я влетаю во двор, окруженный старыми высотками, и, не замечая ям в асфальте и практически не сбавляя скорости, еду до нужного подъезда. Я слышу, как громы-хает поцарапанный бампер и жалобно скрипит защита двигателя, когда полирую «брюхом» машины потрепанное дорожное покрытие. Как только вижу дверь в нужный подъезд, резко торможу и, заглушив мотор, выскакиваю из машины. Если пидара нет дома, я перелопачу весь этот поганый город, но найду и уничтожу тварь.

Взбегаю на второй этаж и, не останавливаясь ни на секунду, долблю в дверь. Колочу так, что хлипкое полотно ходит ходуном под моими руками. Я сбиваю кулаки, но не чувствую боли и не вижу перед собой ничего, кроме отметин, которые он оставил на коже моей любимой женщины. Внезапно дверь распахивается, и моя рука по инерции летит вперед. Я пошатываюсь, но удерживаюсь на ногах. Поднимаю взгляд и крепко сжимаю челюсти.

– Ты кто такой? – недовольно спрашивает мужик на голову выше меня. Осуществить задуманное будет не так просто, как я думал, но моей ярости хватит на троих таких, как он.

– Твоя смерть, – цежу сквозь зубы.

– Не понял, – хмыкает он, с пренебрежением глядя на меня.

А потом мой кулак летит ему в лицо. От неожиданности мужик отступает назад в квартиру, тем самым давая мне возможность толкнуть его дальше, чтобы войти вслед за ним и

захлопнуть за нами дверь. Вот так-то лучше, нам совершенно ни к чему свидетели его смерти.

Глава 1

Саундтрек к главе: Michele Morrone – Dad

Я шурюсь от лучей яркого солнца, пробивающихся сквозь стройный ряд деревьев, пока машина мчит нас по дороге к дому отца. Правильнее было бы назвать это строение особняком. С белыми колоннами, пафосным фонтаном, вокруг которого заворачивается кольцо подъездной дорожки. Вдобавок ко всему словно под линейку постриженные хвойные деревья. Меня тошнит от этой помпезности, а еще интересует вопрос, нахера отцу и его шлюхе такой огромный дом. Пустой и холодный, в котором наверняка даже эхо слышно.

– Сынок, – приветствует меня мужик, которого я видел всего пару раз в жизни.

Он тянется, чтобы то ли обнять, то ли похлопать по плечу, но я резко отстраняюсь, избегая прикосновения. Отец хмыкает, но продолжает улыбаться. Если бы не мама, хрен бы я сюда вообще приехал. В Стокгольме у меня была прекрасная жизнь, насколько это возможно, когда ты знаешь, что не нужен своему отцу. Когда каждый твой успех воспринимается как своего рода баловство. Нарисовал уродливую лошадь? А, ну молодец. Да говно он нарисовал, но родители хвалят, чтобы повысить самооценку ребенка. Так вот моя мама хвалила, а отец произносил слова про это самое говно. И до сих пор произносит. Однако то ли старость берет свое, то ли его

молодая блядь отказывается родить ему детей, но внезапно он возжелал, чтобы я явился пред его ясные очи, перевелся в универ в России и начал постигать азы его гребаного, нахер мне не нужного бизнеса. И мне приходится напоминать себе, что я делаю это ради матери.

– Проходи. Как доехал?

– Тебе правда интересно?

Мы общаемся на английском, потому что русского я почти не знаю. Когда нас с мамой фактически изгнали из дома отца, она задалась целью создать для нас максимально комфортные условия для жизни в чужой стране. А потому, если не считать школу, изучение языков стало моим самым главным занятием. Когда кто-то говорит мне о тяжелом детстве, всегда хочется спросить: «Ты когда-нибудь переезжал в чужую страну во втором классе, не зная местного языка?» Совершенно не зная. Не понимая ни звука. Это пиздец, доложу я вам. Посещение психолога и языковые курсы занимали почти все мое свободное время. Казалось, нервные срывы случались у меня практически каждый день. А теперь вот по зову папаши мне надо выучить русский и стать студентом местного вуза. И на это у меня целое лето. На протяжении двенадцати лет мама тоже практически не говорила по-русски, ведь мы живем в Швеции, и она просто стала забывать язык. Однако отец проявил любезность и нанял мне учителя.

– Я понимаю, почему ты так отвечаешь.

– Не понимаешь, – цежу я сквозь зубы, – и не пытайся

понять, бесполезно.

– Познакомься, это Жанна, – он указывает на девицу, трущуюся в дверях дома. Пантера, которая, я уверен, уже мысленно обглаживает мой член. Она так плотоядно ощупывает взглядом мое тело, что даже мне становится не по себе.

Прохожу мимо девки в дом, не выдавив из себя ни звука.

– Где моя комната?

– Наверху, вторая дверь справа.

Я начинаю подниматься по ступенькам, даже не оглядываясь по сторонам. Краем глаза вижу широкие мраморные перила и в очередной раз мысленно стебусь над отцом за неоправданно огромный и пафосный дом. Войдя в комнату, осматриваюсь. Шоколадно-синяя гамма мне подходит, жить можно. Сбросив мокасины на пол, я заваливаюсь на кровать и прикрываю глаза. Меня накрывает такое чувство безысходности и неправильности происходящего, что хочется сдохнуть. Кто-то скажет, что мне не на что жаловаться. Всю жизнь я обеспечен всем необходимым и ни в чем не знаю нужды. Но, как говорят, у каждого слоя населения свои проблемы. И моя – это ненависть к отцу, которую он так любовно взращивал все эти годы. Мама думает, что я здесь, чтобы перенять управление отцовским бизнесом. Но она даже не догадывается, что я здесь, чтобы развалить его к ебням, а потом станцевать на могиле своего предка. Ненавижу его и ту шваль, из-за которой он выслал нас с мамой.

Утром следующего дня я просыпаюсь все в тех же джин-

сах и футболке, в которых прилег накануне. Видимо, сказались две предыдущие бессонные ночи, которые я провел с друзьями, шатаюсь по барам и трахая телок. Так я пытался отвлечься и придушить съедающее меня волнение от грядущих перемен.

– Доброе утро, мам, – хрипло произношу я, набрав самого дорогого мне человека.

– Доброе, милый. Ты как?

– Только проснулся.

– Я думала, ты позвонишь, как приедешь к отцу.

– Ты не получила мое сообщение по прилету?

– Получила. Просто хотела узнать, как прошла встреча.

– Очень жалел, что не могу послать его.

– Тимур, – вздыхает она. – Сынок, как бы то ни было, он твой отец,

– Мам, да ладно, проехали. Наслаждаешься тишиной в квартире?

– Ты же знаешь, я предпочла бы быть рядом с тобой.

– Да брось. Кайфани с Хуго, слетай с ним куда-нибудь, отдохни.

– Все-то ты знаешь.

Смеюсь в ответ на это заявление.

– Передавай ему привет.

– Он, кстати, раздобыл билеты на шоу, на которое ты хотел попасть. Даже два.

– Поблагодари его, я очень признателен за это. Только те-

перь не уверен, что попаду на него.

– Ну смотри. Если что, я с ним схожу.

– Ни в чем себе не отказывай.

– Какие планы на сегодня?

– Отец уже нанял кого-то для изучения русского, занятия начинаются после обеда.

– Так быстро? Даже не даст тебе адаптироваться?

– Мам, я не нуждаюсь в экскурсии по городу. Найду себе друзей, все сам посмотрю.

– Ладно, сынок, – вздыхает она. – Хорошего дня. Пиши, если что. Люблю тебя.

– И я тебя, мам. Пока.

Отложив телефон в сторону, я откидываюсь на подушки и смотрю в потолок. Вариантов два: или я сорвусь и пушусь во все тяжкие, или сделаю так, чтобы отец вернул меня в Стокгольм. Там моя жизнь, мама, учеба, друзья, а еще ставший уже родным язык. Я не хочу изучать новый и вообще находиться здесь.

Слышу негромкий стук, а потом дверь открывается, и в проеме появляется симпатичная головка молодой девушки.

– Доброе утро, – здоровается особа и делает шаг в комнату. – Меня зовут Маша, я ваша горничная. Георгий Матвеевич зовет вас на завтрак.

– Маша, – выговариваю я с сильным акцентом и склоняю голову набок, рассматривая девушку. Слегка полновата, немного не в моем вкусе, очень простая какая-то, но... – Ты

не говори так быстро, я плохо понимаю русский. Что там про моего отца?

– Он зовет вас завтракать.

– Закрой дверь и иди сюда, Маша. – Утренний стояк, похоже, не оставляет девчонке шансов. Ну что ж, раз мне придется существовать в таких условиях, то нужно хотя бы развлечься.

Сначала она качает головой, а потом я встаю и иду прямо к ней, медленно захлопывая дверь за ее спиной. Маша не двигается, практически не моргает. Ну что ж, девочка, я давал тебе шанс уйти.

Глава 2

Саундтрек к главе: Amy Winehouse – You know I'm no good

Машина задница маячит перед глазами, мешая мне смотреть телек. Девушка явно слишком тщательно натирает кофейный столик, призывно покачивая булками.

– Маш, в сторону, мешаешь, – бурчу я, а она, метнув в меня испепеляющий взгляд, сваливает из гостиной. Да и похер.

Несколько дней назад я отодрал Машу. Сначала она ломалась, изображала из себя недотрогу, а потом скакала на моем члене, как порноактриса. Но есть в Маше мерзкая черта – звуки, которые она издает в постели. Какое-то гнусавое мяуканье, а еще смеется невпопад. Ага, именно в процессе. Никогда этого не понимал. Что смешного может быть в сексе? Наверное, это какая-то нервная реакция, а тогда все еще хуже, чем я думал.

Через пять минут Маша возвращается в гостиную. Я вопросительно смотрю на нее, застывшую прямо передо мной и снова загораживающую обзор. Уже готовлюсь послать ее на хер, если она начнет выяснять отношения, но девочка меня удивляет:

– К вам пришли, – насупившись, произносит она.

– Кто?

– Не знаю, девушка какая-то.

– Девушка? – спрашиваю с улыбкой. – Интересно.

Поднимаюсь с дивана, отбрасываю пульт на столик и иду в коридор. Возле входной двери стоит девушка. Стройная, но аппетитная блондинка. Гораздо интереснее тех двух, которые были у меня до нее. Я склоняю голову набок, тщательно рассматривая новенькую, пока она оглядывается по сторонам. Мой взгляд четко фиксирует самые главные моменты: хорошая, полная троечка, тонкая талия, округлые бедра, стройные ноги, большие глаза и не полные, но довольно аппетитные губы. Да, я уверен, с этой преподавательницей все будет гораздо интереснее. И от этого понимания мне жутко хочется потереть ладони в предвкушении нового приключения.

– Добрый день, – произношу я, подходя ближе.

Девушка слегка дергается на звук моего голоса и поворачивается ко мне лицом.

– Здравствуйте. Вы – Тимур?

Ее голос похож на перезвон колокольчиков. Не низкий и не высокий, а бархатный и нежный. Словно ангельский. Я заглядываю в ее серо-голубые глаза и пытаюсь найти там правду. Ни одна современная девица не отличается чистыми помыслами, так что этот слегка затравленный, смущенный взгляд меня совсем не торкает.

– Я – да. А ты кто?

– Меня зовут Вера, я ваш новый преподаватель. И предпочла бы общаться на «вы».

– Ну так общайся на «вы», я не против.

Красотка поджимает губы. Не нравится моя наглость. Ну что ж, малышка, смирись.

Вера взмахивает рукой, чтобы поправить волосы, и я замечаю на безымянном пальце тонкий золотой ободок обручального кольца.

– Ты замужем? – удивленно спрашиваю я.

– Да, – твердо отвечает она и задирает подбородок.

«Тем интереснее», – думаю я, кивая Вере на коридор, ведущий в мой кабинет. Я так и не понял, на кой хер отец выделил мне эту комнату, но да ладно. Хотя я определенно предпочел бы заниматься с Верой в своей спальне, желательно в горизонтальном положении. Как только мы заходим в кабинет, я закрываю за нами дверь и придвигаю кресло для этого Порочного Ангела. Порочного, потому что все ее тело кричит о сексе. Каждый жест, который другой человек назвал бы изысканным, элегантным, порождает во мне похоть. Она гибкая и стройная, изящная, как фарфоровая статуэтка, которую хочется перегнуть через край столешницы и сжать до трещин на ее безупречной поверхности.

Вера приземляет свои вторые девяносто – наверняка с «хвостиком» – в кресло и начинает выкладывать из видавшей виды сумки разные предметы: чистые листы, потрепанный блокнот, простой карандаш, затертый футляр для очков, а еще и книгу. Она раскладывает это все как под линейку, пока я с неподдельным интересом наблюдаю за ней, занимая

свое место за столом. Слежу, как двигаются тонкие пальцы и воображаю, как они обхватят мой член перед тем, как он погружается в этот греховный рот. Блядь, может, сразу?.. Нет, выжду немного, понаблюдаю за ней, тем вкуснее будет победа. Вера пробуждает во мне желание пошалить, я словно кот, собирающийся поиграть с мышью. Сам не знаю, что мной движет, то ли инстинкт охотника, то ли одержимое желание потрахаться. Пока не понятно, но очень увлекательно. От таких приключений ощущения всегда острее, и внутренности вибрируют от желания начать игру.

– Для начала я бы хотела понять уровень владения языком, – врывается в мои мысли Порочный Ангел.

– Очень высокий, – двусмысленно отвечаю я, и бровь Веры изгибается, а я дарю ей наглую ухмылку, заставив тут же отвести смущенный взгляд. Приятные ощущения. Я прямо чувствую исходящие от нее волны негодования, но наверняка там можно высмотреть и интерес.

– Я говорю о русском языке.

– А ты о чем подумала? – спрашиваю более низким голосом. Я сейчас как будто прощупываю почву, пытаюсь понять, что будет оказывать на нее наибольшее воздействие.

– Значит, высокий уровень? – скептически спрашивает она, быстро совладав с чувством смущения. – Тогда зачем вам я?

Я подаюсь немного вперед, коварно улыбаясь.

– Знаешь, у меня такое впечатление, что отец просто под-

кидывает мне развлечения на лето, – говорю, глядя ей в глаза.

Вера подскакивает, и кресло, резко отъехав назад, врежется в стену.

– Пожалуй, я зря приехала.

– Вера, сядь, – жестко произношу я, не готовый пока проститься с Порочным Ангелом. Я не наигрался. Да я, блядь, только начал! – Садись.

Придвигаю кресло, и она медленно опускается в него, глядя на меня с подозрением.

– Язык знаю плохо, в сентябре перевожусь в местный вуз. Давай начнем.

– Тимур, я бы хотела сразу очертить границы.

– Сколько тебе лет, пограничница? – спрашиваю на английском, потому что на русском последнего слова не знаю.

– Тридцать два, – отвечает она, слегка приподняв брови, как будто спрашивая: «Съел?». Еще не съел, но обязательно попробую. В самое ближайшее время.

– В самом соку, – ухмыляясь, произношу я.

– Я хорошо знаю английский, – отзывается Вера, пытаюсь упрекнуть меня, потому что понимает, что я говорю. Но ее выпад лишь вызывает у меня очередную снисходительную ухмылку.

– Я это уже понял.

– Давайте говорить на русском.

– Вера, на русском мне тяжело выразить желание, которое

ТЫ ВО МНЕ ВЫЗЫВАЕШЬ.

– Прекратите, Тимур, сейчас же. Я здесь не для того, чтобы развлекать вас.

– Так я и не предлагаю развлекаться. Все очень серьезно.

– Я сейчас уйду, – угрожает она.

Вот я и выяснил ее предел. Вера из тех женщин, которым нельзя все говорить напрямую, нужно действовать решительно или обходными путями. Последний способ слишком затягивает процесс, так что мне он не подходит. Сегодня я дам ей время выдохнуть, прийти в себя от нашего знакомства, а потом возьму в оборот. С Порочным Ангелом нельзя мешкать ни секунды, иначе она начнет думать, а это не пойдет на пользу ни ей, ни мне. Обе ее предшественницы поплыли, когда я прямо рассказал им, что собираюсь с ними сделать. Веру же это лишь оттолкнет. Что ж, тем интереснее будет игра и тем вкуснее победа. Я киваю, заставляя себя сделать серьезное, сосредоточенное лицо.

– Давай приступать.

Два часа спустя я провожаю Веру к выходу из дома. По дороге незаметно ловлю прядь ее волос и, слегка намотав на палец, подношу к носу. Вдыхаю аромат. Свежий, слегка пряный. Вкусный. Меня буквально передергивает от ощущений. Секса хочу. Не именно с ней, а в принципе. Но с ней больше. Закрадывается мысль трахнуть Машу, при этом закрыв ей рот, или заставить сделать мне минет, чтобы не издавала идиотские звуки. Но решаю не делать этого, потому что

уверен, уже завтра буду драть Веру, распластанную на моем столе. Отпускаю ее волосы и галантно открываю дверь.

– Я не вижу твоей машины.

– У меня ее нет, – проходя мимо меня, Вера слегка пожимает плечами, но я задерживаю ее, касаясь локтя.

– А как ты сюда добралась?

Блядь, Тимур, заткнись! Ну какая тебе разница?!

– На автобусе.

– Если я правильно помню, ближайшая остановка в паре километров.

– Пешие прогулки полезны.

Прищуриваюсь и смотрю в ее спокойное лицо. Красивое, пиздец просто. И я даже не чувствую между нами разницы в возрасте. Не могу сказать, что ощущаю себя старше, но Вера точно не выглядит на свои тридцать два. Она тянет руку, высвобождая локоть из моей хватки. А я сжимаю и разжимаю кулак, пытаюсь сбросить непонятно откуда взявшееся ощущение жжения в ладони.

– Ну до завтра, – равнодушно отвечаю я.

– До завтра, – прощается Порочный Ангел и шагает по дорожке, обходя по дуге расфуфыренный фонтан.

– Зачетная задница, – бубню себе под нос, а уже через несколько секунд эта самая попка скрывается за воротами.

Глава 3

Саундтрек к главе: Anne-Marie & Little mix – You can kiss me...

Вечером впервые спускаюсь к ужину, и то лишь потому, что надо поговорить с отцом. Не хочу просить у него денег, но моих на покупку машины не хватит, а мне очень нужны колеса. Придется ждать еще пару месяцев, пока купленные на бирже акции поднимутся в цене, лишь тогда я смогу выгодно продать их. Ненавижу просить, да еще и у отца, и поэтому начинаю немного жалеть о том, что год назад купил в Стокгольме однокомнатную квартиру. Можно было бы сбересть эти деньги и сейчас купить транспорт самостоятельно. Но тогда это было вложением, да и кто знал, что год спустя я буду жить в другой стране?

Отец удивлен, но старается не показывать виду, зато его фря заметно оживляется при моем появлении.

– Приятного аппетита, – желаю на русском и устраиваюсь за столом напротив Пумы по имени Жанна.

– Спасибо, взаимно, – отвечает отец. – Таня! Принеси прибор! Тимур будет ужинать с нами.

Через минуту передо мной уже стоит тарелка, возле нее лежат приборы, а улыбчивая приятная женщина желает нам приятного аппетита и ретируется в сторону кухни.

– Приятно видеть тебя за столом.

– Папа, мне еще сложно так быстро переключаться на русский. Давай на английском.

– Жанна не знает английского, это будет неуважительно по отношению к ней, – произносит он все же на понятном мне языке. И мне тут же хочется спросить, а кто виноват в том, что она такая ленивая задница? Прожив столько лет на деньги, которые полагалось тратить моей маме, даже не удосужилась выучить язык, хотя на нем говорят во всем мире.

– Тогда я произнесу свою просьбу, ты ответишь и на этом можно прекратить светские беседы.

– Я могу переводить для Жанны.

– Мне нечего ей сказать.

Отец немного хмурится, но все же кивает.

– Мне нужна машина. Буду благодарен, если ты добавишь мне денег на ее покупку.

– А деньги на карте закончились?

– Я не пользуюсь твоей картой, у меня своя есть.

Брови отца подскакивают вверх.

– Не понял. А на что ты живешь? Мама подкидывает?

Я качаю головой и приступаю к ужину. Стейк чертовски хорош.

– Нет. Я занимаюсь покупкой и продажей акций.

Одна эмоция на лице отца сменяет другую: сначала изумление, затем недовольство, а после появляется интерес. – И много удалось купить-продать?

– Достаточно, чтобы приобрести маленькую недвижи-

мость в Стокгольме. А еще машину.

– Почему ты не использовал те деньги, которые я присылаю каждый месяц?

– Потому что не нуждаюсь в них. Так ты поможешь с машиной?

Он игнорирует мой вопрос.

– И как давно ты занимаешься акциями?

– С шестнадцати лет.

Отец хмурится, задумчиво смотрит на меня, видимо, складывая пазл в своей голове, а потом кивает.

– Конечно, помогу. Но ты можешь спокойно купить себе машину на те деньги, что лежат на карте. Там такая сумма, что хватит на какой-нибудь «корабль» представительского класса. Или на маслкар.

Маслкар мне подходит, такое я люблю. В Стокгольме у меня небольшая спортивная машинка. Не самая дорогая и новая, но доведенная до совершенства мной и Хуго, маминим другом.

– Хорошо, спасибо, – отвечаю отцу.

Как бы ни было, я не неблагодарная сволочь, которая не может сказать «спасибо» за предоставленные возможности. Но из-за необходимости просить о чем-то отца я чувствую себя неуютно. Как будто стою на паперти с протянутой рукой.

– Значит, с шестнадцати лет ты обеспечиваешь себя сам, – задумчиво тянет отец. Я не хочу обсуждать это с ним. Этот

вопрос его не касается, он исключительно между мной и мамой. И ее другом Хуго, который помог мне начать, объяснил азы и рассказал, какие акции стоит покупать, а какие сливать, если купил по дури.

– Ты не обидишь Жанну, разговаривая со мной на английском?

– Да кого это волнует? – усмехается отец. – Как уроки?

Уроки... Я почти не помню сегодняшний, потому что боролся со стояком и желанием взять Веру. Мне безумно хотелось овладеть ею, уложить грудью на столешницу и рвать на части, упиваясь своей властью над женским телом. Вера отличный преподаватель, но еще она слишком сексуальная, чтобы думать о великом и могучем. Мои мысли – как и взгляды – постоянно сползали к губам, которые она периодически прикусывала, к покачивающейся под блузкой груди и пальцам, постоянно теребившим карандаш. А стоило ей надеть очки, как меня вообще повело, и желание только усилилось. Тогда-то я и принял решение, что завтра все случится.

– Нормально, – отвечаю коротко, не желая нырять в эту тему. – Пап, Машу надо уволить.

– С чего вдруг?

– Она ко мне пристаёт.

– Она к тебе или ты – к ней?

Я смотрю на него так, как он иногда смотрит на меня. Вопросительно, слегка изогнув бровь, словно спрашивая: «Ты

идиот?»

– Она ко мне. Не люблю полных девушек.

Ладно, не всех. У Порочного Ангела тоже не самые худые будра, но мне нравится. Не могу сказать, что они полные, скорее сочные.

Отец хмурится. Наверняка не привык так часто менять персонал, но мне похер. Хотел меня видеть рядом с собой? Придется приспособливаться. Бросаю взгляд на его Пуму, коротко подмигиваю ей. Настроение мгновенно улучшается. Не из-за соски Жанны, нет, от того, что я выталкиваю отца из зоны комфорта, ломаю его, как он делал со мной последние двенадцать лет.

Молча заканчиваю ужинать, а затем, попросив принести в мою комнату чай с куском торта, поднимаюсь вверх. Заваливаюсь на кровать и достаю телефон, чтобы позвонить своему другу Ноа, ведь так хочется поговорить с кем-то на практически родном языке. Он отвечает только со второго раза.

– Привет! – выкрикивает Ноа, когда я вижу его довольное лицо на экране смартфона.

– У тебя такая довольная рожа, что хочется по ней вмазать.

Он смеется, и я улыбаюсь. Его смех подобен грому, но такой заразительный, что не засмеяться вместе с ним просто невозможно.

– Значит, я счастливчик, что ты далеко. Как Россия?

– Тухло.

– Что так? Говорят, славянки самые красивые женщины. Посмотреть даже на твою маму.

– Я тебе язык вырву и в зад засуну! – рычу я шутливо, и Ноа подхватывает мой смех.

Эту шутку он повторяет с определенной периодичностью, просто чтобы зацепить меня. Во всяком случае, я надеюсь, что Ноа не запал на мою маму, иначе я воплощу в жизнь свои угрозы.

– М-м-м, язык в заднице, – стонет придурок, и я захожусь хохотом.

В этот момент в дверь стучат, и Маша – все еще типа горничная – вносит поднос с чаем и тортом. Я киваю ей на ночной столик, и она размещает на нем поднос. Окидывает меня взглядом, а я вопросительно смотрю на нее.

– Спасибо, – с нажимом произношу я, чтобы она догнала, ей пора убираться. Ноа затихает, с интересом наблюдая за мной.

– Что-нибудь еще? – спрашивает Маша, многозначительно глядя на меня.

– Нет, это все, спасибо, – пару секунд посомневавшись, отвечаю ей.

В ответ на это она недовольно поджимает губы и сваливает из моей комнаты. Пока идет к двери, я переключаю камеру так, чтобы показать ее Ноа. Друг издает свист.

– Интересный экземпляр. Оприходовал уже?

– Еще бы, – подтверждаю я, снова перескакивая на фрон-

тальную.

– И как?

– Бывало и лучше.

– Сочная.

– Проехали, это вчерашний день. Лучше расскажи, как у вас там.

– О, да все как обычно. У Лукаса новая девка, Лео на две недели укатил на острова.

– А Сигне?

– Эта идиотка подвязалась на новую гонку. Теперь из-под капота не вылезает.

Я качаю головой. Наша подруга Сигне, с которой Ноа периодически то мутит что-то, то снова держит ее во френдзоне – или она его, непонятно там все – очень любит гонки. Она постоянно участвует в стритрейсерских заездах, без конца и края совершенствует свой Сивик. Сигне из семьи с очень скромным достатком, поэтому рано нашла работу, и теперь зарабатывает бабки еще и на гонках. Стоит Ноа лишь упомянуть ее имя, как в груди ноет. Хочу к своим друзьям в привычную мне обстановку. Ошиваться в гараже Сигне, пить пиво с парнями, обсуждать очередную девушку Лукаса.

– Ты провел с ней воспитательную беседу? – улыбаясь, спрашиваю я.

– Да, пару раз на капоте ее тачки.

Закатываю глаза.

– Опять?

– Ну да. А что делать? – он пожимает плечами, а я лишь качаю головой. Не могу перестать улыбаться, глядя в счастливое лицо друга.

– А ты там как? Скоро домой?

– Надеюсь, что да.

– Как отец?

– Заебал.

Ноа фыркает и с пониманием кивает.

– Мой тоже внезапно вспомнил о своих отцовских чувствах.

– Как?

– Позвал на ужин, хочет познакомить со своей новой семьей.

– А ты?

– Послал его на хуй.

И я его понимаю. Я бы тоже своего послал, но мама настояла на том, чтобы я приехал сюда. Черт его знает, почему. То ли боится остаться без довольствия, которым ее щедро одаривает этот донор спермы, то ли правда считает, что я должен принять на себя управление компанией отца просто потому, что заслужил. А может, боится, что Пума приберет к рукам то, что по праву принадлежит нашей семье. Не знаю. Мама у меня довольно скрытная, и я научился не лезть ей в душу и давно не берусь анализировать ее поступки.

– Понимаю тебя, – отвечаю я. Мы оба вздыхаем о своих не сложившихся отношениях с отцами, а потом снова переключо-

чаемся в режим дружеской болтовни, которая продолжается почти полтора часа. И пока я лежу, беззаботно болтая с другом, мне кажется, что у меня все хорошо. Но стоит отключиться, как снова накатывает злость и это непонятное раздражение. Хотя почему непонятное? Я ведь в чужой стране, вынужден жить в доме того, кому никогда не было до меня дела.

Глава 4

Саундтрек к главе: Linkin Park – One step closer

Я стою у окна и наблюдаю, как ветер гонит тяжелые свинцовые тучи по небу. Сегодня погода больше напоминает осеннюю, чем летнюю. Как будто вчера ярко не светило солнце и не пели птицы. Всю ночь шел дождь, в течение дня несколько раз срывался, а теперь вот поднялся ветер. Я опускаю взгляд на отъезжающую створку ворот и наблюдаю за тем, как Вера быстро двигается в сторону дома, кутаясь в тонкую куртку. У нее мокрые волосы и вся она выглядит как кошка, которую макнули в таз с водой. Отставляю чашку на стол и выхожу из кабинета, преодолеваю коридор и сталкиваюсь с Верой уже у входной двери.

Она здоровается с открывшей ей дверь Татьяной и быстро сбрасывает куртку.

– Jävla¹, – вырывается из меня произвольно.

– Здравствуйте, Тимур, – торопливо произносит Вера и благодарит Татьяну, которая вешает куртку на вешалку.

А я пялюсь на ее грудь. Не Татьяны, Веры. Эта охренительная троечка, упакованная в, кажется, трикотажный тонкий бюстгальтер, совсем толком не прикрытая тонкой белой блузкой. Мокрой белой блузкой, что важно. Ткань налипла

¹ Твою мать, – швед.

на тело, обнимая его во всех правильных местах, и я даже могу видеть твердые горошины сосков, приветственно указывающие в мою сторону. Кажется, они на одной волне с моим членом, потому что он рвется в их сторону. Порочный Ангел ловит мой взгляд, а потом, тихо охнув, оттягивает ткань от тела, пряча от меня возбуждающее зрелище.

– Idag kommer jag definitivt knulla dig², – произношу я, и прямо в этот момент радуюсь, что Вера не знает шведского.

– Простите, я не знаю ваш язык, – виновато улыбается она.

– Я говорю, что вам срочно нужно переодеться, чтобы не простыть, – «перевожу» ей на английский.

В подтверждение моих слов Вера чихает.

– Vi går och byter kläder³, – выдаю я, а потом спохватываюсь, что снова заговорил на родном языке. – Пойдемте, я дам во что переодеться.

– В смысле... – она пытается подобрать слова, но я не оставляю ей шанса на раздумья, иначе она точно погрязнет в мысли и испортит мне планы.

– В смысле идемте.

Я беру Веру за локоть и волоку на второй этаж в свою спальню. Туда, где хочу видеть ее больше всего. Как только мы доходим до комнаты, я распахиваю дверь и пропускаю даму вперед. Она делает уверенный шаг, а потом резко тормозит и отступает назад, врезаясь в мою грудь.

² Сегодня я точно трахну тебя, – швед.

³ Пойдем переоденем тебя, – швед.

– Ой, – вырывается из нее, когда я двигаюсь вперед, буквально заталкивая Веру в комнату и захлопываю за нами дверь. – Тимур, что вы...

Она поворачивается ко мне лицом и проглатывает слова, сталкиваясь с моим жадным взглядом. Слегка качает головой, но мне похер на одобрение. Сегодня я хочу ее еще сильнее. Вот такую мокрую, испуганную, дрожащую. Запускаю пальцы ей в волосы и приближаю к ней свое лицо. Вера пытается отстраниться, но мой захват не дает этого сделать.

– Прекратите немедленно, – дрожащим голосом произносит она.

– А то что? – спрашиваю с коварной улыбкой.

– Иначе я уйду.

Не хочу, чтобы уходила. Сейчас, когда мы в закрытом пространстве, где в паре шагов от нас раскинулась огромная кровать, и комнату наполнил запах озона от дождя, смешанного со свежим ароматом духов Порочного Ангела, я еще сильнее хочу, чтобы осталась. Опускаю одну руку ей на поясницу и вжимаю в свое тело, давая прочувствовать каменный стояк у меня в джинсах. Ее глаза расширяются, Вера пытается отстраниться, надавливает ладонями на мою грудь. В ее глазах появляется паника.

– Ш-ш-ш, тихо, ну что ты дергаешься? – шепчу у ее губ, ловя тяжелые поверхностные выдохи.

– Тимур, отпусти, – незаметно для самой себя Вера переходит на «ты», а я тащусь от того, как с ее губ слетает мое

имя. Есть в этом нечто завораживающее.

– Я обещал тебе одежду. Но для начала тебе нужно снять с себя мокрую. – Она быстро моргает, словно никак не может поверить, что это происходит на самом деле. – Тебе помочь или ты сама справишься?

– Сама, – тихо отвечает она, метнув взгляд на мои губы. Да! Попалась. Наконец Вера показала свой интерес. Всего на мгновение и, скорее всего, неосознанно, но она сделала это. А я умею быть наблюдательным.

Я отпускаю Веру, отступая на шаг, и она пытается обойти меня, чтобы покинуть комнату. Но я подхватываю ее за талию и возвращаю на место. Хмуро смотрю на нее, а потом киваю на ванную.

– Там ванная комната. Иди, я сейчас принесу одежду. Прими горячий душ, чистое полотенце в шкафчике. А потом будем отпаивать тебя чаем.

Все это я говорю на английском нормальным тоном, каким общаюсь с ней во время занятий, и в глазах Веры я снова вижу замешательство. Многоликий Тимур, приятно познакомиться. Порочный Ангел отступает еще на шаг, а потом, постоянно оглядываясь, проходит в ванную. Я достаю свои спортивные штаны и футболку и несу ей в ванную. Понятное дело, до последнего надеюсь, что она уже разделась и ждет меня под струями горячего душа. Но, конечно, фантазии далеки от реальности, и Вера жметя бедрами к раковине, обнимая себя за плечи. Полностью одетая, к моему

огромному разочарованию. Я кладу на столик у раковины стопку одежды и разворачиваюсь на выход. Взявшись за ручку двери, внезапно останавливаюсь и бросаю через плечо:

– Замок в двери сломан, поэтому не рекомендую закрывать дверь до конца, может заблокироваться. Мастера придется долго ждать. Я выйду из комнаты, чтобы тебя не смущать.

Горжусь собой, что вру и не краснею. Все нормально с замком и дверью, но Вера выдает короткое «Хорошо», и я сдержанно киваю, ликуя внутри. Я выхожу из ванной, прикрывая дверь, оставляя в ней только небольшую щелочку, после чего решительным шагом иду ко входной двери и выхожу из спальни, выжидаю в коридоре пару минут, после чего беззвучно проворачиваю ручку и возвращаюсь в спальню. Мне не нужно красться к ванной комнате, потому что наискосок от двери на противоположной стене висит зеркало во весь рост, и мне достаточно заглянуть в него, чтобы увидеть все, что я хочу. Мне приходится сжать челюсти и поджать губы, чтобы не застонать вслух. Вера уже сняла с себя мокрую одежду и теперь избавляется от нижнего белья. Стаскивает бюстгальтер, оглядываясь, и мне приходится бесшумно отступить к входной двери, чтобы не спугнуть ее. Через секунду я снова пялюсь в зеркало на упругую попку, которую Порочный Ангел пакует в мои спортивные штаны. Вера стоит спиной, но когда она поднимает руки, чтобы надеть футболку, я вижу очертания боковой части груди, которая ко-

лышется от ее движений. Мне приходится сжать головку каменного члена, чтобы хоть немного успокоить желание. Меня аж трясет, так хочется забить на все, ворваться сначала в ванную, а потом и в самую Веру. Как только она опускает футболку, я быстро выхожу из спальни, а потом стучу в дверь и приоткрываю ее. Кричу с порога:

– Вера, можно?

Я клоун, да. Но чего не сделаешь ради достижения цели?

– Да, Тимур, входи.

Она, кажется, окончательно перешла на «ты». Наконец-то. Я захожу в комнату как раз в тот момент, когда Вера покидает ванную, держа перед собой мокрую одежду.

– Я могу развесить это в твоей ванной?

– Давай я закину в сушилку.

Вера прижимает одежду ближе к себе, а я, как замороженный, смотрю на ее грудь, контуры которой отлично просматриваются под моей футболкой. Да что ж за пиздец такой? Грудь я, что ли, никогда не видел?! Бесит, что меня так тянет именно к ее сиськам. Надо уже трахнуть ее и выкинуть из своей головы.

– Да брось. Давай. Обещаю не нюхать твои трусики, – с улыбкой произношу я, и щеки Веры покрываются легким, едва заметным румянцем. Мне нравится.

– Я ничего такого и не думала.

– Men förgäves. Det skulle vara värt det⁴.

⁴ А зря. Стоило бы, – швед.

Вера смущенно улыбается, а я «перевожу» свои слова:

– Прости, все время забываю, что ты не знаешь шведского. – Нет, я это прекрасно помню и нагло пользуюсь. – Я сказал, что тебе не о чем волноваться.

– Интересный язык, – говорит Вера, протягивая мне свою одежду. Интересный – не то слово.

– Согласен. Спускайся вниз, я закину вещи сушиться и попрошу принести тебе чай.

– Я думала, чтобы согреться, в Швеции пьют Глэгг.

– А ты подготовилась.

– Я же должна понимать, с кем буду работать.

Я понижаю голос и с абсолютно серьезным лицом произношу:

– Не надо понимать, Вера. Просто прими и смирись.

Выражение ее лица тоже становится серьезным.

– Что это должно значить?

– Не обращай внимания, – снова говорю бодрым голосом, вводя Веру в ступор переменами с своим поведением. – Я пошутил.

– А, ладно, – произносит она таким тоном, будто пытается понять меня или уловить, что со мной не так.

А со мной все не так. Начиная от ненависти к отцу и заканчивая желанием трахнуть женщину, старше меня самого на двенадцать лет. Но зачем ей знать все подробности, кроме последней? Я снова начинаю раздражаться, потому что Вера пытается влезть в мой мозг и просканировать его. Я вижу

это по ее пронзительному взгляду и тому, как она склонила голову набок, словно рассматривает забавного зверька.

Раздражаясь, я отступаю от двери, снова пропуская Веру вперед.

– Проходи в кабинет, я сейчас.

Как только ее красивая задница спускается вниз, я, сделав глубокий вдох, отправляюсь следом.

– Где прачечная? – спрашиваю проходящую мимо Татьяну, когда захожу в столовую.

– Давайте я постираю.

– Это надо только высушить. Я сам справлюсь. Так куда мне?

– А... – она замирает на мгновение, а потом начинает тараторить на русском.

– Я не понимаю. – Ни черта вообще, ни слова.

– А, – снова тупит она. – Вторая дверь. Справа. За кухней.

Андестенд?

Я широко улыбаюсь. Самый приятный человек в доме, эта Татьяна.

– Спасибо. Андестенд.

Разворачиваюсь и следую в указанном направлении. Захожу в прачечную, прикрыв за собой дверь. Быстро разбираюсь с машинками, у нас дома подобные, так что это несложно. Забрасываю в сушилку все, кроме трусиков Веры. Покрутив их в руках и попытавшись себя отговорить от глупостей, я сдаю и подношу их к носу, шумно втягиваю сладковатый

запах и прикрываю глаза. Пиздец тебе, Порочный Ангел. Тебе и, кажется, мне.

Глава 5

Саундтрек к главе: Halsey – Control

Я захожу в кабинет, чувствуя вибрацию по всему телу. Я больной на всю голову, если нюхал женские трусики, и теперь этот запах застрял в моем носу и отравляет мозг. Он напрочь отказывается работать. Зрение сузилось до изящной фигурки в моей необъятной футболке, которая, зависнув над блокнотом, что-то там помечает. Я закрываю дверь, и Вера тут же оборачивается ко мне. Видя мое лицо, немного хмурится, видимо, чувствуя напряжение, которое пульсирующими волнами исходит от меня. Я не могу себя контролировать, передо мной словно туман, в котором я плаваю, качаясь на мягких волнах.

Подхожу к Вере, и она медленно поворачивается в кресле, чтобы быть лицом ко мне. Смотрит настороженно и немного испуганно. Я упираюсь ладонями на подлокотники ее кресла и нависаю сверху, приближая к ней свое лицо. Порочный Ангел подается назад, врезаясь затылком в подголовник. Мои челюсти сжимаются, желваки перекатываются под кожей, а взгляд прожигает Веру насквозь. Пиздец, как хочу, просто до головокружения.

Я резко подхватываю ее под подмышки и усаживаю на стол.

– Тимур, что ты... Тимур!

Она ругается и отбивается, когда я, грубо раздвинув ее ноги и подхватив под попку, впечатываю ее промежностью в свой стояк. Осознание того, что под моей одеждой она голая, обостряет ощущения и превращает желание в одержимую похоть, в жажду взять ее, чего бы мне это ни стоило.

– Прекрати! – рывкает она и, замахнувшись, влепляет мне звонкую пощечину.

Я останавливаюсь, правда всего на мгновение, потому что быстро осознаю, такая грубость с ее стороны заводит еще сильнее. Пытаюсь притормозить и не жестить, но благодаря Порочному Ангелу все во мне вспыхнуло и теперь выжжено дотла. Я как будто смотрю на себя со стороны, вернее на животное, наделённое моей внешностью, которое лютует и никак не может остановиться. Руки шарят по телу Веры, оглаживая каждый изгиб, рвутся под футболку, куда она меня не пускает. А потом я перехватываю обе ее руки и увожу их назад, заставляя непослушную красавицу выгнуть спину. Мутный взгляд опускается на часто вздымающуюся грудь, которая колышется от каждого движения. Второй рукой сжимаю затылок Порочного Ангела и впиваюсь в ее губы агрессивным, жадным поцелуем. Она не впускает меня, упрямо мычит, пытаясь отвернуться, но моя хватка сильнее. Не желая сдаваться, я кусаю ее мягкую кожу, и Вера приоткрывает рот, собираясь возмутиться, а я пользуюсь секундной возможностью и проникаю в ее рот жадным языком.

У меня на языке как будто взрываются тысячи малень-

ких пузырьков, когда я ощущаю ее вкус. Нежный, сладкий, с привкусом мятной конфеты. Меня ведет, когда я прикрываю глаза. Вера не отвечает на поцелуй, прячет свой язык от меня, но прямо сейчас мне достаточно того, что я уже получаю. А потом она кусает меня за губу. Довольно ощутимо, кажется, даже слегка прокусывая или оцарапывая зубами нежную кожу. И это так по-звериному, на голых инстинктах, что мне хочется зарычать и взять Ангела жестко, до синяков сжимая ее кожу. И я впиваюсь пальцами в ее бедро, вырывая из нее то ли стон, то ли хрип. Удовольствие или боль? Я отрываюсь от Веры, чтобы посмотреть ей в глаза, и тут же вся похоть разом сходит с меня, и я как будто впервые смотрю на моего Порочного Ангела. По ее щекам катятся дорожки слез, а сама она зажмурилась и сжалась в комок.

– Вера, – выдыхаю я. – Вера, прости.

Внутри меня все сжимается от осознания того, что я натворил. Похоже, я действительно обидел ее, оскорбил своим животным напором. Еще никогда девушка в моих руках не плакала и не сжималась так, словно хочет прямо сейчас испариться.

– Прости, я не знаю, что на меня нашло.

Ненавижу извиняться. Всегда считал, что проще не делать то, за что придется просить прощения, чем потом проходить через это унижение. И я реально в растерянности, потому что это не моя женщина. И хоть мне и хочется сгрести ее в охапку и качать на своих руках, пока не успокоится, я не

могу этого сделать

– Вера посмотри на меня. – Я и сам чувствую, как с меня слетает вся бравада и агрессия, которые стали моими спутниками в последний месяц и усилились с приездом к отцу. Она поднимает на меня испуганный взгляд. Неужели я так сильно приложился к ней, что мог так испугать? – Прости, – повторяю медленно, практически по буквам, а она кивает.

– Я могу... могу встать? – дрожащим голосом спрашивает Вера, а я хмурюсь.

– Почему ты так испугалась? Неужели думала, что изнасилую?

Вера вздрагивает, а потом бочком скользит по столу, задев бедром свой блокнот, карандаши, листки, и все это сыплется на пол с тихим стуком. Я наклоняюсь, чтобы поднять, и Вера замирает, потому что я оказываюсь у ее ног на одном колене. Медленно скольжу взглядом по ногам, скрытым безразмерными штанами, потом по ткани футболки, очерчивая взглядом полушария груди, ласкаю тонкую шею и наконец лицо. Широко распахнутые глаза смотрят на меня с изумлением. И я снова хочу ее так сильно, что в паху сводит.

– Вера, – хриплым голосом произношу я, – идив кухню и попроси Татьяну отдать тебе твои вещи, они уже наверняка высохли. Я сейчас соберу твои вещи и вынесу их в коридор. Позанимаемся завтра.

Голос сдавленный, сиплый и севший. Я понимаю, что если она сейчас не уйдет, я разорву ее просто. Не знаю, что

меня удерживает: то ли ее слезы, то ли то, что она сжалась в комочек, но я торможу свои разбушевавшиеся гормоны. С другой стороны, сейчас Вера не смотрит на меня испуганно. Я могу ошибаться, но, кажется, она и сама не против продолжить. В глазах сквозит осторожность, но будь я проклят, если не вижу желаний. Нет, нам однозначно нужен тайм-аут. Мне хотя бы для того, чтобы понять, на кой черт я вообще в это ввязываюсь. Мог бы трахать Машу без лишних проблем, но нет, Порочный Ангел зацепила меня так, что меня аж потряхивает.

Вера срывается с места – и уже через секунду ее нет в кабинете. Я, чертыхаясь, собираю ее вещи и зачем-то нюхаю блокнот, который поднимаю с пола. Как будто на нем останется ее запах. Но нет, он пахнет потрепанным, старым дермантином, а при соприкосновении с обложкой она крошится под моими пальцами. Выношу собранную сумку Веры в коридор, вешаю ее на вешалку и сваливаю в свою комнату. Нахожу в телефоне ближайший автосалон и звоню отцу, чтобы он дал мне водителя съездить за машиной. Несмотря на свое желание отдохнуть от мысли о Порочном Ангеле, я все же представляю себе, как буду возить ее на занятия и обратно. Мне не очень нравятся чувства, которые я испытываю к ней, и это бесит. Ну какая мне, черт побери, разница до ее чувств?! Я хочу ее и точно знаю, что возьму, потому что это желание сильнее меня. Но тот затравленный взгляд все еще маячит в моей голове, зставляя внутреннего зверя греть

цепями.

Я иду в душ и дrouchу с мыслями о ней, потому что тупо не могу стереть со своих ладоней ощущение полной груди и тонкой талии, горячей кожи. Не могу стереть из памяти тяжелое, прерывистое дыхание. Она точно хотела меня, я уверен, но что-то мешает ей отдаться. Не что-то, придурок, а кто-то. Она же, блядь, замужем! Луплю со всей дури ладонью по мокрому кафелю и выхожу из душа.

Я собираюсь и еду в салон с тачками. Пока водитель везет меня по городу, я рассматриваю унылые строения. В центре да, все красиво, современно, но стоит свернуть с главной дороги – попадаешь как будто на двадцать, а то и тридцать лет назад, когда все дома строили по одному шаблону, и отступление от этой нормы было смерти подобно. Я быстро выбираю себе машину. Не маслкар, как планировал, до него мне немного не хватает денег с учетом оплат за оформление, страховки и всего остального. И я лучше сдохну, чем попрошу у отца добавки. Мне хочу прогнуться перед ним и быть должным. Сам заработаю себе на другую машину, а эта пока покатает мою избалованную задницу.

После пары часов тягомотины с документами я наконец выезжаю из салона на новом черном «Поршивце». Решив прокатиться по городу, я настраиваю навигатор и нарезаю круги, изучая местность. Потом останавливаюсь у торгового центра и блуждаю там пару часов, рассматривая магазины. Обедаю, покупаю себе пару шмоток, а потом натыкаюсь на

канцелярский магазин.

Как только захожу в него, ко мне тут же подлетает деловитая барышня, за секунду оценившая уровень моего достатка.

– Добрый день, – щебечет она. – Меня зовут Лиза. Чем я могу помочь вам?

Я смотрю на Лизу и понимаю: ну вот же он – перепих на ближайшие несколько дней. Она уже согласна, еще до того, как я открою рот. Стоит мне только щелкнуть пальцами, и она тут же прыгнет в мою тачку, чтобы прямо по дороге обглаживать мой член своими силиконовыми губами. Но не интересно. Вот такие легкие завоевания не приносят полного морального удовлетворения. Как будто ты пьешь воду, когда голоден. Как бы чувство голода снял, но удовольствия особо и не получил. Так что нет, хочу добротное полноценное блюдо, от одного вида которого во рту скапливается слюна. При мысли о Вере ее приходится сглотнуть, чтобы услужливая девочка Лиза не приняла на свой счет стекающую по моему подбородку слюну.

– Вы английский понимаете?

– О, да, конечно, – она переходит на понятный мне язык. Слегка запинается и немного даже краснеет. Я смотрю на нее, прищурившись. Нет, не цепляет.

– Мне нужен блокнот. Ежедневник. Добротный, в кожаном переплете. К нему набор простых карандашей. Что-нибудь очень женское, игривое. И блокнот на кольцах.

– И все с женским орнаментом? – слегка скиснув, спра-

шивает Лиза.

– Да, – отвечаю я, мысленно задавая себе вопрос: «Вот нахера ты это делаешь?»»

Глава 6

Саундтрек к главе: Imagine dragons – Whatever it takes

Кручу в руках зачем-то купленный блокнот. Ладно, куплен он был с определенной целью. Я хочу подарить его Веры вместе с тем набором канцелярии, который привез из магазина. Лиза так увлеклась, что натащила мне целую кучу всякого, как она выразилась, «нужного добра», а я, не задумываясь, все это оплатил. А еще и сумку в соседнем отделе. Сейчас смотрю на эту гору подарков для Веры, сложенную на моем столе в кабинете, и хочу сгрести все в мусорку, а еще лучше сжечь. Бросаю ежедневник в эту кучу, отчего она разъезжается и что-то падает на пол, но я, не оборачиваясь, сваливаю на выход.

Два коротких стука в дверь кабинета отца – и я открываю дверь, а потом резко отворачиваюсь. Не хочу видеть, как эта размалеванная блядь отсасывает ему. Пума стоит на коленях перед отцом, но у того, к счастью, все еще застегнута ширинка.

– Я ненадолго, – цежу сквозь зубы. – Мне нужен номер Веры.

– Какой Веры? – спрашивает отец, совершенно не смутившись от моего появления.

– Моей преподавательницы.

– Зачем?

Поворачиваюсь к нему лицом и хмуро смотрю на него.

– Просто нужен. Дашь?

– Тебя не учили просить вежливо?

Криво и злобно усмехаюсь в ответ на идиотский вопрос.

– Некому было. Я так-то без отца рос.

Он сжимает челюсти и смотрит на меня со всей ненавистью, на которую способен. Вижу, что он борется с ней, подавляет чувство в себе, но, к сожалению, его прочесть так же легко, как и его незамысловатую шлюху. Не понимаю, как он достиг таких высот в бизнесе. Или это только мне выпала честь видеть его эмоции без прикрас, а в бизнесе он в совершенстве владеет покерфейсом?

– Я пришлю тебе на телефон, – рывкает он. – А теперь закрой дверь с той стороны. У нас здесь незаконченное дело.

Вылетаю из его кабинета и хлопаю дверь так, что, кажется, стена содрогается. Через минуту на мой телефон приходит сообщение с номером Веры, я быстро хватаю ключи от машины и выхожу из дома. Прыгаю в тачку и сразу срываюсь с места, загребая гравий на подъездной дорожке. С покупкой машины мне все чаще хочется свалить из дома. Например, вчера я приехал ближе к десяти вечера. Сейчас же всего лишь десять утра, а я уже выезжаю за ворота особняка отца. Катаюсь по городу примерно час, отговаривая себя звонить Вере, но в конце концов сдаюсь. Останавливаюсь у популярной кофейни, беру два больших стакана с кофе и два маффина, возвращаюсь в машину и жму на вызов. Ме-

ня бесит собственное поведение, то, что Ангел не отвечает на звонки, и больше всего то, как я на это реагирую. Выхожу из машины и выбрасываю все, кроме своего стакана, затем возвращаюсь, занимаю водительское место и врезаюсь затылком в подголовник, прикрывая глаза. Сейчас немного отдышусь и поеду к отцу домой.

Внезапно тишину салона пререзает звонок телефона, я перевожу взгляд на экран, и сердце ускоряет свой бег. Проще говоря, оно срывается в галоп и лупит, как ненормальное, когда я вижу на дисплее одно короткое слово «Ангел». Да, я внес ее номер в телефонную книгу, и это всего лишь один из длинной вереницы пиздецов, которые творятся со мной.

– Вера, – выдыхаю, ответив на звонок.

– Здравствуйте. Вы мне звонили.

Закатываю глаза. Кажется, я могу слушать этот голос вечно. И да, это тоже раздражает.

– Это Тимур.

– О, – только и произносит она. Даю руку на отсечение, сейчас она вспоминает наш вчерашний поцелуй, как и я.

– Звонил спросить, будет ли сегодня занятие.

Вера что-то невнятно мычит в трубку, а потом прочищает горло и уверенно отвечает:

– Будет.

– Откуда тебя забрать?

– В каком смысле?

– Я в городе, на машине, могу тебя забрать.

– О, не нужно, я сама могу...

– Вера!

– ...добраться, – заканчивает она слегка дрогнувшим голосом.

– Откуда тебя забрать? – настойчивее спрашиваю я, чекая каждую букву.

Вера молчит еще пару мгновений, а потом тихим голосом называет станцию метро, возле которой будет ждать меня. Мы договариваемся встретиться там через полчаса, а потом заканчиваем звонок. Забросив телефон в карман, я выхожу из машины и возвращаюсь в кофейню. Снова покупаю для Ангела стакан кофе – на этот раз со сливками – и все те же маффины. Свой съедаю по дороге до станции, которую назвала Вера, а ее кекс оставляю в коробке на переднем сиденье. Сам не понимаю, что творю, но почему-то мне хочется сделать ей приятное. Скорее всего, причина в чувстве вины, которое я до сих пор испытываю за вчерашний выпад. С другой стороны, блядь, ну мне что теперь, повеситься, раз я так сильно хочу ее? Это всего лишь природа. Уверен, после пары сеансов секса я потеряю к Вере всякий интерес. Во всяком случае с ее предшественницами именно так и бывало.

Такую знакомую хрупкую фигурку я вижу издалека. Сегодня Вера одета в серое платье-рубашку, но цвет совсем не подходит Порочному Ангелу, в нем она кажется какой-то бесцветной. Ей нужны яркие цвета или пастельные, но благородные. Останавливаюсь у самой кромки тротуара, и Ве-

ра отскакивает на пару шагов. Опускаю стекло и, наклонившись, смотрю на Веру. Заметив меня, она робко подходит к машине и, открыв дверь, садится на пассажирское сиденье сразу после того, как я успеваю поднять коробку с ее маффинном. Будь я джентльменом, мог бы выйти и открыть ей дверь, но это явно не про меня.

– Добрый день, – не глядя на меня, здоровается она.

Переставив коробку на переднюю консоль, тянусь рукой к ее ремню безопасности, пока стекло на двери медленно поднимается вверх. Чтобы закрепить ремень, мне приходится нависнуть над Ангелом, но именно этого я и добиваюсь. Уткнувшись носом в ее волосы, которые сегодня собраны на затылке в замысловатую прическу, напоминающую пучок, я делаю шумный вдох. И все, на этом моменте все разумные доводы, которые я приводил себе раньше, рассыпаются в пыль. Практически не глядя, я блокирую двери, защелкиваю замок ремня безопасности, а потом, положив ладонь на щеку Веры, поворачиваю ее лицом к себе.

– Дыши, Ангел, – тихо произношу я.

– Ангел? – выдыхает она, впервые за сегодня установив со мной зрительный контакт. И теперь я не вижу ничего вокруг, кроме больших серо-голубых глаз.

– Да, – отвечаю практически шепотом, а потом подаюсь вперед, и наши губы наконец встречаются.

Не знаю, чего я ждал. Наверное, наивно полагал, что Вера тут же кинется мне на шею и ответит на поцелуй, но этого не

случилось, и теперь к прежнему раздражению примешивается уже новое, с другим оттенком. Я хочу, чтобы она отзывалась на поцелуй с той же жадой, с которой я набрасываюсь на ее губы. Отстраняюсь на пару миллиметров и шепчу:

– Ответь мне.

Она распахивает глаза и смотрит на меня испуганно, потом косится на лобовое стекло.

– Окна тонированные, – говорю севшим голосом, потому что, кажется, понимаю, чего именно она боится.

Пронизываю Ангела взглядом, побуждая услышать меня, а потом аккуратно прикасаюсь к ее губам, удерживая своего внутреннего зверя, чтобы не напирать на Веру, не пугать еще больше. Секунда, и она наконец отвечает, а у меня голова идет кругом от этих ощущений. Робкий, словно девичий, поцелуй, так не похожий на поцелуй взрослой замужней женщины. Что мы, мать твою, творим?! Зачем нам все это? Ей, у которой уже наверняка устоявшаяся жизнь, и мне, который за пару дней помешался на женщине старше себя. Не знаю, зачем, не хочу анализировать и думать. Меня тянет к Вере, как не тянуло ни к кому другому. То ли это ее запах творит нечто невообразимое с моими гормонами, то ли прерывистое дыхание, а может виной тому этот невинный взгляд опытной женщины... Не знаю, но стоит мне лишь взглянуть на нее, как меня накрывает с головой. Я словно бреду в плотном тумане, видя только ее в конце пути.

Мы не отрываемся друг от друга, поцелуй становится по-

рывистым, жадным.

– Такая сладкая, – шепчу ей в губы, и тут мою щеку накрывает прохладная ладонь. Глаза сами собой закрываются от этих ощущений, и я крепче сжимаю затылок Веры, пытаюсь вжаться в ее губы своими. Поглотить без остатка, смаковать и пожирать, пока не оставлю от нас обоих только тонкую, как пергаментный лист, оболочку.

Через силу отрываюсь от Веры и ловлю ее расфокусированный взгляд. Хочу ее так сильно, что сводит внутренности. Вот такую размякшую, растерянную, теплую и сладкую.

– Поехали? – мой голос окончательно сел от возбуждения, и из меня выходит только хрип. Вера кивает и поворачивается лицом к боковому зеркалу, а я завожу машину и срываюсь с места. Всего один поцелуй, но теперь во мне столько энергии, что я могу подпитать пару районов в этом паршивом городе. Страшно представить, что со мной станет, когда я смогу по-настоящему коснуться своего Порочного Ангела.

Глава 7

Саундтрек к главе: Straniza feat Kesh – Остановись

Вера

Что я творю?! Зачем мне все это? Тимур же совсем мальчишка, любые действия которого продиктованы низменными инстинктами. Но как же он все это преподносит... Каждый раз, когда он напирает, я как будто вылетаю из реальности, запирая суровую действительность на огромный навесной замок. Потому что здесь, рядом с ним, мне впервые за много лет хорошо. Я наконец чувствую себя желанной, обласканной женщиной. И пускай эта ласка грубая и не имеет ничего общего с нежностью и глубокими чувствами, но кому они вообще нужны? Хочется ответить, что мне, но мои желания не берутся в расчет уже долгих четырнадцать лет. В следующем году мы с Лешей отпразднуем пятнадцать лет нашей совместной жизни, и я даже примерно представляю, как пройдет этот праздник. И не хочу. Ни праздников, ни дней рождения, ни вообще каких-либо событий. Хочу просто тихонечко плыть по течению, слиться с водой, чтобы никто меня не заметил. Но мимо Тимура, судя по всему, проплыть не удастся.

Я поворачиваюсь лицом к нему и блуждаю взглядом по мужественному профилю. Надо же, такой молодой, а внешность и взгляд уже как у взрослого мужчины. Слишком серьезный, напористый, а еще чересчур рассудительный для своего возраста. Да, ему, как и любому молодому парню, присущи импульсивность и вспыльчивость, что можно объяснить еще и горячей кровью. Судя по всему, это у него от отца. Но при этом от него исходит такая сила и властность, что его отцу впору поучиться у сына. Георгий Матвеевич тоже не хлюпик, но до сына ему явно далековато.

Тимур, замечая мое внимание, кивает на переднюю консоль, с которой вот-вот слетит небольшая коробочка.

– Твой маффин.

– Мой? – удивленно спрашиваю я. Давно мне никто не покупал сладости.

– Твой. И кофе, – он показывает на бумажный стакан, стоящий в подстаканнике между креслами.

А я не знаю, что сказать. У меня как будто отнялся язык. Когда последний раз я получала такие простые знаки внимания, что ценнее любого шикарного подарка? Наверное лет двадцать назад, если не больше.

В детдоме, воспитанницей которого я была, жил мальчик по имени Костя. Сначала он по классике дергал меня за косички, толкал, бил портфелем, на что я жутко обижалась. А потом, когда мы подросли, и этот странный, свойственный детям способ демонстрации симпатии сошел на нет, Костя

начал ухаживать по-настоящему. Помогал мне во всем, воровал из кухни сладости, которые нам выдавали поштучно. Его за это наказывали и даже закрывали на сутки в изоляторе, оставляя без какой-либо еды, но он упорно продолжал носить мне вкусности, аргументируя это тем, что я слишком худая и никогда не понравлюсь мальчикам, а мне надо устраивать свою жизнь. Так он рассуждал, когда нам было примерно по шестнадцать. Сейчас эту заботу я вспоминаю с теплом и улыбкой, и каждый раз кляну себя, что, когда встал выбор между ним и Лешей, я выбрала не Костю. А ведь он любил меня до самого выпуска. Нежно, трепетно. Никогда не посягал на мою честь, не оскорблял и не провоцировал, в отличие от того самого Алексея. Уже тогда мой будущий муж брал желаемое нахрапом, как сейчас это делает Тимур. Он не позволял мне вздохнуть, заполняя собой все пространство. Будучи уже тогда довольно хитрым, он не воровал из кухни сладости, за него это делали другие, они же и отдувались, если их ловили. И только Леша оставался чистеньким, но не помыслами. Благодаря ему, я рано лишилась девственности и забеременела еще до выпуска, а потом совершила страшную ошибку, за которую расплачиваюсь по сей день. Именно тогда Леша убедил меня в том, что никому кроме него не нужна испорченная девочка Вера. А я ведь поверила. Господи, какой же я была дурой! Костя умолял меня бросить Алексея и выйти за него. Обещал, что никогда в жизни я не буду ни в чем знать нужды, и в первую очередь, в ласке, в которой

нуждается каждый детдомовский ребенок. Но я сделала свой выбор, и моя жизнь сложилась именно так, а не иначе.

Рассматриваю маффин в уже открытой, стоящей на моих коленях коробке, и мне хочется кричать. Вот так просто открыть рот и сорвать голос от вопля, который рвется изнутри. Но я, проглотив его, как всегда сдерживаюсь. Бросаю быстрый взгляд на Тимура, он улыбается, но выражение его лица говорит о смятении, и я пытаюсь понять, кто он: Костя или Алексей? Судя по поведению, он больше похож на моего мужа, и внезапно ловлю себя на мысли, что не хочу снова проходить через все это. Да, этот маффин никто не крал, за него заплатили, как и за ароматный кофе в высоком стакане, и я ценю то, что Тимур позаботился обо мне. Но не настолько, чтобы во второй раз войти в эту воду.

– Спасибо, – наконец произношу я негромко.

– Ешь, Вера. И кофе пей, он и так уже остыл. Хочешь, остановимся и купим новый?

– Не хочу, спасибо, Тимур.

В голове происходит совершеннейший бардак, а сердце постоянно то останавливается, то срывается в галоп. Я как будто бреду наощупь среди зарослей своих чувств, царапаюсь о некоторые из них, какие-то оставляют глубокие раны, от каких-то веет теплом. Не пойму, в какую сторону иду, но осознаю, что от соблазна лучше отойти подальше.

Пока доезжаем до дома Казанцева, я успеваю передумать десятки мыслей. Тимур периодически что-то рассказывает,

про какие-то места, которые хотел бы посетить, о том, как он поражен контрастом городских застроек. Я слушаю его, где надо киваю, выдавливая из себя кроткую улыбку, но мыслями нахожусь очень далеко отсюда. Чувства, которые нахлынули на меня из-за близости и поведения Тимура, пугают. Точно так же я когда-то нырнула в подобный омут с Лешей. Поэтому, когда Тимур паркуется у входа в дом, я сажусь ровнее, мысленно приняв окончательное решение.

Тимур кладет руку мне на колено и скользит ею немного вверх. Я совру, если скажу, что его прикосновение мне неприятно, и мурашки, бегущие за его горячей ладонью, самое яркое тому подтверждение. Но все равно сжимаю его пальцы своими и снимаю чужую руку с колена.

– Тимур, это лишнее.

За секунду его довольное лицо превращается в хмурое. И меня снова прошибает ощущение дежавю. Леша тоже не любит, когда я отказываю. На всякий случай отодвигаюсь немного дальше от нависающего надо мной Тимура.

– В каком смысле – лишнее, Вера? – спрашивает он. – Если ты забыла, минут сорок назад твой язык был у меня во рту.

– А ты всегда считаешь, что, ответив на поцелуй, девушка априори выдает тебе индульгенцию на любые действия в ее сторону? – спрашиваю я. Пора осадить мальчишку, слишком много он о себе возомнил, кажется, даже решил, что я на все согласна.

– Вера, что не так? – негромко рычит он, отстраняясь. – Определись уже со своими границами и четко озвучь их мне, чтобы я понимал, где пределы дозволенного.

– Тимур, постарайся, пожалуйста, больше ко мне не прикасаться. В интимном плане. Если ты забыл, я замужня женщина, которая счастлива в браке.

– Так счастлива, что жадно отзываешься на поцелуи постороннего мужика? – ехидничает он с кривой ухмылкой. Больше всего раздражает то, что по большому счету он прав, но ему об этом знать совсем не обязательно.

– То, что я на мгновение забылась, еще не повод препарировать мою личную жизнь.

– Услышал тебя, – цедит он сквозь зубы, а потом вылетает из машины, громко хлопнув дверью. От резкого звука я немного дергаюсь, но успокаиваю себя тем, что это всего лишь дверь.

Выбираюсь следом и иду в дом, где уже скрылся Тимур. Эта подработка нужна мне больше, чем воздух. Без этих денег я не смогу вернуть себе свою жизнь. Точнее, построить новую. В свете последних событий я понимаю, что остро в этом нуждаюсь, иначе... нет, не хочу думать о том, что может случиться, слишком все это печально. Захожу в кабинет Тимура, он уже сидит за столом и нервно стучит карандашом по блокноту. Перед ним стопка канцелярских товаров, на которые я стараюсь не смотреть. У меня слабость к такого рода вещам. Я обожаю всякие блокнотики, тетради,

карандаши. Иногда, чтобы обрести душевный баланс, я иду в большой канцелярский магазин и долгое время брожу там, щупая каждую вещицу и нюхая свежие страницы новых ежедневников. Обычно я покупаю лишь какую-нибудь мелочь на распродаже или вообще что-то самое дешевое – ластик или простой карандаш – но время, проведенное в этом царстве канцелярии, помогает мне немного прийти в себя и собраться с мыслями.

Обхожу стол и присаживаюсь на уже ставшее привычным место, достаю из сумки свои вещи, раскладываю их практически под линейку. Возможность поддерживать порядок вокруг себя – это чуть ли не единственная стабильная опция в моей жизни. Работа – сплошной фриланс, я все время завишу от заказов. Семейная жизнь – хаос, но об этом я думать не хочу. Так что контроль над собственными вещами дает мне возможность почувствовать себя человеком, который имеет власть хоть над чем-то в своей жизни.

Тимур протягивает руку и подталкивает кучку с канцелярией ко мне.

– Это тебе, – не глядя на меня, произносит он. – В коробке, – он и ее подталкивает ко мне, – сумка.

– Какая? Зачем? – выдавливаю из себя. Взгляд жадно блуждает по новым вещам, пока разум напоминает не привыкать к ним и не обманываться щедростью мужчины. – Мне не надо. У меня уже есть...

– Вера, – резко перебивает он, – если не нравится, сожги,

выбрось, мне плевать. Я уже заплатил за все это.

– Просто купил или именно мне? – осмеливаюсь задать вопрос.

– Тебе. Посмотри на свой ежедневник, он скоро развалится.

Тут Тимур прав. Этому ежедневнику уже лет десять, он вдоль и поперек исписан заметками, а обложка крошится прямо в руках. И я бы с радостью поменяла его, будь у меня хоть одна лишняя копейка. А теперь вот... И как реагировать? Забрать? Так Леша будет задавать вопросы. Оставить? Тимур же наверняка выбросит, просто из вредности, таким образом мстя мне за то, что отказалась от подарка. Придется как-то объяснять все это мужу.

Настойчиво гоню от себя восторг и благодарность Тимуру. А еще чувство, переполняющее меня до краев и булькающее где-то в горле. Он заметил. Позаботился, купил. Для меня. И я была бы рада его отблагодарить, но знаю, какой именно благодарности он ждет. Ее я дать не могу, как бы сильно того ни хотела.

– Спасибо, – произношу тихо, не решаясь даже взять в руки один из купленных им карандашей.

Наверняка он и пишет лучше моего дешевого. И вон какой красивый, черный, с яркими блестящими цветами. А второй расписан под Гжель. На третьем какие-то забавные зайчики. Я проглатываю ком в горле и перевожу взгляд на Тимура. Он упорно смотрит в стену, но я чувствую исходя-

щие от него тяжелые вибрации и хочу... не знаю, сделать что-нибудь, каким-то образом дать ему понять. Я не хочу, чтобы он думал, будто я не могу ответить на его чувства, потому что сама ничего не испытываю. Ведь это совершенного не так. Но да, как я уже сказала, для него подобное знание точно будет лишним.

Тимур резко вскакивает с кресла и тяжелым быстрым шагом направляется к двери.

– Пойду принесу воды, – бросает он через плечо и выходит из кабинета, хлопнув дверью так же, как хлопал дверцей в машине. А я вздыхаю и, не в силах устоять перед соблазном, тянусь к карандашу. Только попробую, как он пишет, и все.

Глава 8

Саундтрек к главе: MONATIK – Сильно

Наш урок проходит так же, как и вчерашний, и урок до этого. Я борюсь с собой, чтобы не начать снова напирать на Веру, а она делает вид, что ей чужды мои знаки внимания. Забавная игра, но мне она не нравится. Я хочу трогать моего Ангела, чувствовать ее запах, ощущать шелковистость волос и снова пробовать на вкус ее губы. Это какое-то наваждение которое накрывает меня с головой. Возможно мне кажется, но Вера стала лучше выглядеть. Как будто тщательнее собирается на встречу со мной. Сегодня, например, ее губы слегка подведены блеском, чего она раньше не делала. Он сверкает в лучах проникающего в кабинет солнца, постоянно привлекая мое внимание. И, если не ошибаюсь, ее губы немного пахнут клубникой. Интересно, блеск сладкий на вкус, или это просто аромат?

– Тимур? – зовет Вера, и мне приходится оторвать взгляд от ее губ и посмотреть ей в глаза. – Ты меня слушаешь?

– Честно? Нет.

Ее глаза на мгновение расширяются.

– Почему?

– Потому что думаю о твоих губах. Блеск на них сладкий?

Вера неосознанно облизывает губы, показав мне кончик розового влажного языка, и мне хочется застонать при виде

этого зрелища. Ну как может так рвать крышу от женщины, которую знаешь всего ничего? Вчера я позвонил девушке, с которой периодически встречался в Стокгольме. Мы не состояли в отношениях, скорее, были друзьями по переписке. Вот и вчера я решил, что мне надо отвлечься. Раньше мы частенько баловались виртуальным сексом, и именно с этой целью я и позвонил ей. Думал вытравить из головы Порочного ангела. Вытеснить ее с помощью другой девушки. Бесполезно. Все то время, пока Кристина стонала и произносила хриплым голосом пошлости, а я скользил рукой по члену, мои глаза были закрыты, а перед ними стоял образ Веры. Голой, хотя я никогда и не видел ее без одежды. Но у меня оказалась очень бурная фантазия, которая сама дорисовала образы всех нужных изгибов ее тела.

– Тимур...

– Просто ответь, Ангел.

Я сверлю ее глазами, пытаюсь проникнуть в самую глубину ее мыслей и узнать о том, как ей нравится наша игра. Потому что уверен на сто процентов, Ангел тоже наслаждается ею, только Вере по статусу не положено сознаваться в этом.

– Сладкий, – выдавливает она из себя, и между нами снова повисает тот странный момент, когда жизнь вокруг замирает, оставляя только нас двоих.

Я сам не замечаю, как подаюсь вперед. Ангел слегка дергается, но не отстраняется. Она испуганно смотрит на меня, взгляд мечется от глаз к губам – и обратно. И я кайфую от

этого момента, потому что только так, с помощью этих крохотных реакций понимаю, ей не все равно. Я жду, что Вера оттолкнет. Но она этого не делает. Застыла, как изваяние, и не двигается, только чуть-чуть подалась назад, словно сама себя останавливая.

– Тимур, разговор есть! – рывкает отец у двери, и Ангел резко отъезжает от меня, а мне хочется рычать на предка, который прервал интимный момент.

– Срочно? – спрашиваю недовольно.

– Срочнее некуда. Жду тебя в своем кабинете.

– Не дом, а офис какой-то, – бубню я, поднимаясь. – Вера, никуда не уходи, я сейчас вернусь.

Она открывает рот, чтобы что-то сказать, но под моим тяжелым взглядом закрывает его, продолжая послушно сидеть в кресле. Я быстро преодолеваю расстояние до отцовского кабинета и вхожу без стука. К счастью, его соски нет рядом, так что я спокойно прикрываю за собой дверь и подхожу к столу, за которым сидит мой папаша. Смотрит на меня исподлобья, просверливая дыру в моем лбу, но мне похер.

– Слушаю.

– И ты хочешь, чтобы я поверил, будто две предыдущие преподавательницы сами к тебе приставали? – недовольно ворчит он, а я пожимаю плечами.

– Ну в Бога же ты веришь.

– Ты мне не... – он щелкает пальцами, подбирая слово на английском, и я решаю смилостивиться и подсказать:

– Не дерзи.

– Да, не дерзи. И вообще пора уже начать разговаривать на русском. В конце концов, ты занимаешься каждый день по три часа. Даже в субботу.

Я склоняю голову набок.

– Ты зачем меня позвал?

Отец вздыхает и откидывается на спинку кресла.

– Тимур, Вера замужняя женщина и гораздо старше тебя.

– Двенадцать лет не такая уж и большая разница. Еще аргументы?

– Я сказал, что она замужем. Ты пропустил это?

– Нет, я прекрасно слышал. Одного не могу понять: с чего ты решил, что я должен тебя послушать? Двенадцать лет ты не сильно волновался о том, с кем я свяжусь и что буду делать, а сейчас вдруг проснулись отцовские чувства? – рычу я, когда детская обида вырывается на поверхность.

– Не смей так разговаривать со мной в моем собственном доме! – выкрикивает он, вскакивая и хлопая ладонями по столу. – Благодаря мне ты жил в достатке все эти годы!

– Потому что это твоя обязанность – кормить своего сына! Или у вас, блядь, законы поменялись?!

– Прекрати материться в моем доме!

– Ты уже второй раз произнес фразу про свой дом. Я не собирался сюда ехать, но ты практически зажал маме пальцы в дверях, чтобы я выполнил твое требование. Ты же знаешь, что она не сможет жить без лекарств, и намеренно по-

ставил ее в такое положение! Ты сам пытаешься влиять на мою жизнь путем шантажа! Знаешь же, что я ни в чем ей не откажу.

– Тимур, – немного успокаивается он, – мои отношения с твоей матерью не имеют ничего общего с тем, что происходит между нами.

– Правда? Ты только что ткнул меня носом в свою отцовскую благотворительность! – рывкаю я, не в силах совладать с этими гребаными эмоциями. Сука, учился этому столько лет, но стоило долбаному донору спермы открыть рот, как из меня полилось все дерьмо, которое я держал в себе.

Поднимаю голову, чтобы прикрыть глаза и перевести дух, снова обретая равновесие, но тут замечаю в окне, как мой Порочный Ангел торопливым шагом огибает фонтан во дворе, спеша на выход.

– Блядь, – вылетает из меня, и я срываюсь с места.

– Мы еще не договорили! – кричит мне в спину отец.

– Позже! – отзываюсь я, уже выбегая в коридор.

Знаю, что далеко она не уйдет, но все равно не могу отпустить ее. У меня есть еще законные полтора часа занятий, и Вера не может это проигнорировать. Внутри клокочет лава, выплескиваясь на поверхность. Неудовлетворенность, невозможность взять то, что хочется, и обида на отца смешиваются в адский коктейль, который переворачивает мои внутренности, делая все ощущения острее, а проблемы – гораздо весомее.

Схватив ключ с тумбочки в коридоре, я выбегаю во двор и несусь к своей машине. Сердце грохочет так сильно, что я слышу его шум у себя в ушах. Там такой бит, которому позавидовал бы любой диджей, нарочно этот ритм не придумаешь. Он ускоряется, потом резко обрывается и снова набирает обороты. Гравий шуршит под колесами, когда машина, прибавляя ход, покидает двор. Ворота едва успевают отъехать в сторону, когда я пролетаю мимо ошарашенной охраны. Мне не нужно далеко отъезжать, чтобы увидеть Веру, она быстро переставляет ноги, торопясь подальше от этого адского места. И я увезу ее отсюда. Возможно, не так далеко, как хотелось бы, но хоть чуть-чуть отдаю от мрачного особняка.

Равняюсь с Верой, она не останавливается и не смотрит на меня.

– Вера, сядь в машину, – прошу я, притормаживая.

Она бросает быстрый взгляд в опущенное окно, а потом снова отворачивается и прибавляет шаг.

– Ангел, сядь в машину! – рывкаю я.

Сейчас у меня нет сил бороться с ней, но Вера не слушает. Тогда я немного разгоняюсь, перерезаю ей путь и резко торможу. Теперь ей приходится остановиться. Вылетаю из машины и перехватываю Ангела, когда она уже начинает обходить автомобиль. Хватаю Веру за плечи и рывком приближаю к себе. Ну все, я был терпеливым, но больше не могу. Перехватываю Веру за затылок и впиваюсь в ее губы жадным

поцелуем. Адреналин, курсирующий по телу, не позволяет думать. Обычно в таких ситуациях хочется бежать и кричать, делать что-нибудь, выплескивая накопившуюся звенящую энергию. А мне хочется трахаться до звезд перед глазами. Чтобы каждое ощущение было такое, словно ты идешь по острию ножа, одно неверное движение – и ты труп.

Ангел пытается оттолкнуть меня, бьет кулаками в грудную клетку, выворачивается, но я все равно оказываюсь сильнее и прижимаю к машине. Вклиниваюсь между ее ног коленом и вжимаюсь им в промежность Веры. Она пытается отодвинуться, но ни черта у нее не выходит. Мне не нравится сопротивление, но отсутствие возможности взять ее не нравится больше. Вера мычит и вырывается, пока я, зажав ее руки одной своей у нее за спиной, удерживаю Ангела за затылок. Она кусается, пытается царапать мои руки, но я никак не могу отыскать в себе хоть каплю здравого смысла, чтобы оторваться от нее. Вкус чертового клубничного блеска смешивается с нашим общим и кружит мне голову так, что мир вокруг, кажется, вращается на бешеной скорости. Я потерялся в ней и никак не могу обрести стабильное состояние.

– Тимур! – выкрикивает Вера, наконец извернувшись так, что я освобождаю ее губы. – Прекрати немедленно! Я не хочу тебя! Не прикасайся ко мне!

Услышанное моментально отрезвляет меня. Не хочет? Правда, что ли?

– Посмотри мне в глаза и повтори, – цежу сквозь зубы,

впиваясь взглядом в лицо Веры.

– Не хочу тебя, – отзывается она уже не так уверенно.

Я резко отталкиваюсь от машины и разворачиваюсь лицом в сторону лесопосадки, которой окружена дорога. Вокруг очень тихо и спокойно, а вот внутри меня как будто землетрясение во все двадцать баллов. Быстро пересекаю дорожное полотно и скрываюсь среди деревьев. Меня разрывает агония, которая никак не уляжется, упорно не желая трансформироваться в нечто хорошее. Прямо сейчас хочется сдохнуть. Просто пустить себе пулю в висок, чтобы все на хрен закончилось. В груди жжет так сильно, что мне тяжело дышать, а в горле застревает крик, который я, открыв рот, выпускаю наружу. Впервые я кричу. Еще и так громко, что у самого закладывает уши. Не знаю, что со мной происходит, но это пиздец, как больно.

Глава 9

Саундтрек к главе: Gnarl's Barkley – Crazy

Прокричавшись, я обессиленно съезжаю по стволу огромного дерева на устланную елочными иглами землю. Сгибаю ноги в коленях, упираюсь в них локтями и опускаю лоб в раскрытые ладони. Прикрываю глаза. Наконец немного полегчало. В груди жжет уже не так сильно, и дыхание понемногу приходит в норму. Вздрагиваю от легкого прикосновения к своему плечу, а потом прохладная ладонь ложится мне на шею, из-за чего кожа тут же покрывается мурашками. Так умеет касаться только мой Ангел. Я не знаю, как она это делает, но моя нервная система постепенно стабилизируется, тело перестает вибрировать от злости и отчаяния. Однако желание взять Веру не проходит.

– Знаешь, каким бы ни был твой отец, он у тебя есть. Может быть, ты не хочешь принимать его заботу, но она все равно присутствует. В любой момент ты можешь прийти к нему, и он тебе поможет. Даже если будет ругать или осуждать, он все равно не останется в стороне, – голос Веры успокаивает. Меня как будто покачивает на волнах его мягкой тональности, даря так необходимое умиротворение. Ее пальцы нежно, едва ощутимо проходятся по моим волосам, и я понимаю, что начинаю обретать равновесие. – Я воспитывалась в детдоме и не знаю своих родителей. Тимур, тебе несказанно

повезло. Тебя есть, кому защитить, есть, кому о тебе позаботиться. Поэтому не гневи Бога, избавься от ненависти. Обстоятельства сложились так, как сложились. То, что произошло между твоими родителями, не должно касаться тебя. Я не знаю всей истории, но из твоего поведения и по обрывкам фраз я могу сложить некоторое мнение.

– Он променял нас с мамой на свою шлюху, – выдавливаю я из себя. – Не развелся с ней только потому что, наверное, совесть не позволила. Мама болеет уже много лет.

– Вот видишь? Значит, не такой уж он и плохой человек. К тому же ты остался Казанцевым, его сыном, от которого он не отказался.

– Я Самойлов, – отвечаю ей. – В день получения паспорта изменил фамилию на девичью мамину. Не хочу иметь ничего общего с этим козлом. Знаешь, как все было, Ангел? Мама застала его с любовницей, закатила скандал, и в течение двадцати четырех часов нас уже выселили из этого дома. После отъезда я видел отца лишь трижды. Один раз в день маминной операции, второй – в день ее выписки из больницы, и третий – когда приехал сюда. Так что брать его фамилию я не стану.

– Тимур, в тебе сейчас говорит обида. Ее нужно пережить, высказать и забыть. Человек не может быть счастлив, если носит в душе такой камень.

– Пока мама была в больнице, я жил в приюте. Можешь себе представить чувства ребенка, у которого есть отец и мать,

но он живет в приюте? Да, всего месяц... нет, блядь, целый месяц! В то время как этот мудака мог забрать меня или побыть в Стокгольме, пока маму не выпишут.

Я перехватываю руку Веры и подношу к губам раскрытую ладонь. Хочу отвлечься от этих разговоров. Они бестолковые, потому что в итоге ни к чему не приведут. Целую ладонь Ангела, вдыхая чистый запах, и снова завожусь. Как бы я ни орал на всю лесопосадку, энергия, бурлящая во мне, никуда не делась. Дергаю Веру на себя, и она, охнув, сваливается мне на колени. Проворно кручу ее, заставив оседлать мои бедра, и мы оба замираем, тяжело дыша. Ангел пытается оттолкнуться, упершись ладонями мне в плечи, но я удерживаю ее.

– Ты же хочешь, – хрипло произношу я, толкаясь твердым членом в ее промежность прямо через одежду. – Ты соврала, Вера.

– Тимур, прошу тебя...

– Нет, Ангел, не отказывай мне. Пожалуйста, не сейчас.

Меня снова ломает, потому что весь коктейль чувств, который я испытывал еще минут десять назад, снова поднимается на поверхность и бурлит, выплескиваясь наружу. Я обхватываю лицо Веры ладонями и насильно приближаю к своему, выжидаю секунду, чтобы не растерзать ее, и наконец накрываю ее губы своими. Наш поцелуй снова выходит жадным, голодным. Мы как будто урываем мгновения интимной близости, боясь оторваться друг от друга. Ладони Веры на

моих плечах расслабляются, а потом впиваются мне в футболку. Она снова пытается встать, отвернуться, но я, черт побери, не могу ее сейчас отпустить. Не прямо в эту минуту. Немного позже, да. Я даже даю себе обещание не брать ее здесь, прямо сейчас, иначе она будет сожалеть. Если в ней остались еще хоть какие-то сомнения, то она обязательно пожалеет о том, что мы совершим.

Но все мои обещания и установки летят к чертям, когда ее пальцы, сомкнувшись на моем затылке, скользят вверх и зарываются в волосы. Слегка тянут их, заставляя кровь прилить к коже, вызывая на ней покалывания. Не в силах сдержаться, я рычу и впиваюсь зубами в мягкую губу. Мои ладони уже скользят по бедрам Веры вверх, сжимают мягкую кожу, и внезапно Ангел дергается, болезненно ахнув.

– Что? – спрашиваю на выдохе, глядя на то, как Вера кричится. Я опускаю взгляд на ее бедро, на котором красуется... даже не синяк – синячище. Огромное, практически черное пятно растеклось на белой коже, испортив всю красоту. Вера смущенно натягивает платье, но из-за того, что ткань не эластичная, у нее ничего не получается. – Что это?

– Ударилась.

– Обо что? – хмурясь спрашиваю я.

– О комод.

– Для этого ты должна была нестись на скорости километров тридцать.

– Скажем, это получилось стремительно и неожиданно.

– Я буду осторожным, – шепчу ей в губы. – Не обижу тебя.

– Тимур, нам правда стоит остановиться.

– Не надо останавливаться, – хрипло отвечаю я, уже скользая губами по ее шее.

И тут внезапно тишину нашего интимного кокона нарушает звонок ее телефона. Вера вздрагивает и резко вскакивает с моих коленей. Оглядывается в поисках своей сумки, потом подхватывает ее и судорожно копается внутри. Дрожащей рукой выуживает телефон и умоляюще смотрит на меня.

– Это муж. Тимур, пожалуйста...

– Я молчу.

Мне не нравится ни сам факт наличия мужа, ни то, что он звонит ей, когда она предположительно занята. Упираюсь затылком в ствол дерева и прикрываю глаза. Какой же бардак я развел в своей жизни. Мало мне, что ли, девок? Вон в универ через полтора месяца идти, там наверняка хватит охотниц на члены. Но нет, я даже думать ни о ком не могу. Смотрю на своего Порочного Ангела и не могу насмотреться. Как будто каждый раз упускаю что-то из ее образа, оставляя себе возможность рассмотреть эту черту в следующий раз. Похоже на какой-то фанатизм, и хреновая новость в том, что, скорее всего, это не лечится.

– Да, Леша. Да. Потому что я не одна. У меня занятие, – Вера отвечает спокойно, но голос слегка подрагивает. Из-за того, что муж позвонил в тот самый момент, когда я был в

минутах от того, чтобы ее трахнуть? – Хорошо. Ладно. Да, я сразу приеду. – Она смотрит на наручные часы, а я мысленно отмечаю, что надо подарить ей новые, потому что эти совсем поганые. – Через пять минут выезжаю.

Когда она это произносит, мне хочется завопить. Ну какие пять минут?! Мне ведь все еще мало, я не насытился ею, даже не вошел в нее и не... черт, столько всего не сделал! Не отпущу!

Вера отключается и кладет телефон в сумку.

– Мне пора, – грустно заключает она, а я качаю головой.

Протягиваю к Ангелу руку.

– Иди ко мне.

– Нет, Тимур, мне правда пора.

Вера вешает сумку на плечо и делает пару шагов назад.

Отходит еще немного, когда я встаю с земли и отряхиваю джинсы, надвигаясь на нее.

– Вера...

– Пожалуйста, мне нужно уехать.

Мне не нравится, как дрожит ее голос, каким затравленным вдруг стал ее взгляд. Я прищуриваюсь и притормаживаю, Вера делает то же самое.

– Что случилось? – мягко спрашиваю я, чтобы успокоить ее своим тоном, показать, что не имею намерения обидеть.

– Все нормально, но мне нужно ехать домой.

– Не нормально. Поговори со мной.

– Тимур, я сожалею, что дала тебе какую-то надежду. Что

позволила думать, будто у нас все может получиться. Это не так. Прошу тебя, не осуждай меня, просто выбрось этот момент моей слабости из своей головы и больше не вспоминай.

– Ты сама себя сейчас слышишь, Вера? – резче, чем хотелось бы, спрашиваю я.

– Слышу. Прошу тебя.

Ее голос немного садится и становится сипловатым, и я ловлю себя на мысли, что не получаю удовольствия от этих слегка истерических ноток.

– Я обидел тебя?

– Нет.

– Тогда что?

– Да то, что я замужем! – внезапно выкрикивает она, удивляя меня. Ангел не кричит, она всегда собрана и спокойна. Немного как будто запуганная, но еще ни разу я не слышал, как она повышает голос. Кажется, проблемы здесь не только у меня. Вера, видимо, сама шокированная своей реакцией, прочищает горло и продолжает уже спокойнее: – Нельзя, Тимур. Я идиотка, что позволила вообще чему-либо случиться. Но тебе сложно противостоять. Думаю, я не одна такая, кто не может выступить против тебя.

– Не выступай против. Не уходи от меня, иди ко мне, Вера.

– Если бы все было так просто.

– Все просто. Проще, чем ты думаешь. Тебе только надо развестись.

– И что дальше?

– Будем жить вместе.

– На деньги твоего отца? Тимур, тебе двадцать. У тебя вся жизнь впереди. Не порть ее, связывая с себя с женщиной, значительно старше тебя самого. У нас не пять лет разницы. И вообще, раздев меня, ты можешь сильно разочароваться в том, что увидишь.

Я в два коротких шага подскакиваю к ней и обнимаю за талию.

– Так вот о чем ты переживаешь? Забудь. Я не разочаруюсь, уверен. Не может такая красивая, невероятная женщина выглядеть плохо под одеждой.

– Нет, – она отталкивает меня и снова отступает. – Все это невозможно. Прости еще раз, если дала ложную надежду.

– Fan, Angel⁵! – рывкаю я, не сдержавшись, и, сам того не заметив, перехожу на родной язык. – Du gör mig galen! Jag är helt förvirrad⁶.

– Я не знаю твоего языка, – в который раз говорит мне Вера, а я не могу ничего ответить. Последние события высосали из меня все соки. Я как будто сдулся за секунду, как старый воздушный шар. Зброшенный и ненужный. Ни своему отцу, ни женщине, от которой у меня срывает крышу.

Сжав кулаки, я обхожу Веру и двигаюсь к дороге.

– Поехали, отвезу тебя к мужу, – произношу мрачным голосом, не оборачиваясь. По шуршанию еловых иголок слы-

⁵ Черт подери, Ангел, – швед.

⁶ Ты сводишь меня с ума! Я совсем запутался, – швед.

шу, что Ангел идет следом.

Наверное, в чем-то она права. Это простая импульсивность, иррациональное желание обладать именно этой женщиной. И пока я не могу отказать себе в этом удовольствии, но точно знаю, обязательно справлюсь с наваждением, как справляюсь со всем в своей жизни.

Глава 10

Саундтрек к главе: Raphael Lake / Aaron Levy / Daniel Ryan Murphy – Prisoner

Я не видел ее уже неделю. Гребаные семь дней, в течение которых не мог вдохнуть запах моего Порочного Ангела. В день моего срыва я довез Веру до станции метро, у которой забрал ранее, потому что она не позволила отвезти дальше. Это и понятно, учитывая ее семейный статус. Но как же, черт подери, хреново осознавать, как все между нами сложно.

На следующий день Вера написала, что приболела и не сможет приехать. Я решил, что это к лучшему, потому что так у меня появился шанс на передышку и возможность включить мозги. Я настроился на здравые рассуждения, но сначала решил закрыть гештальт с отцом. Вера права: нельзя носить в себе обиду и злость. Мне хотелось хоть немного понять поступки отца, чтобы иметь наконец возможность двигаться дальше. Но когда мы пересеклись после завтрака, он сделал вид, словно ссоры между нами не было. Видя такое положение вещей, я махнул на все это рукой, сказав себе, что дал ему шанс, но он не пожелал им воспользоваться.

Уже стою у станции метро. На заднем сиденье лежит букет роз и коробочка с часами. Я с нетерпением ждал поступления средств от продажи некоторых акций, чтобы купить Вере достойные часы. Теперь мне придется немного потуже

затянуть пояс, потому что на подарок ушла львиная доля моего дохода. Наверное, придется даже снова воспользоваться карточкой отца. Но в целом я пока особо ни в чем не нуждаюсь. Бензин, перекусы в городе – пока что это все мои расходы. Ну, если не считать книг, которые я купил дня четыре назад. Я хочу, чтобы мой Ангел мной гордилась, поэтому нахватал с полок знакомых книг, только теперь уже на русском языке. Привез их домой и засел за учебу. Практически после каждого предложения мне все еще приходилось открывать словарь, но я знал ради чего – точнее, ради кого – это делал.

Светлая макушка мелькает среди разношерстной толпы, снующей у входа в метро, и я выскакиваю из машины. Хватаю с заднего сиденья букет, но Вера проходит мимо, не замечая меня. Догоняю и нежно перехватываю за локоть. Ангел отшатывается, а потом расслабляется, видя, что это я.

– Привет.

Я просто не могу скрыть улыбку. Как бы ни пытался сжать губы и не выдавать всю гамму эмоций, не получается. И да, разговоры с самим собой тоже не дали результата. Сейчас, когда моего носа достигает нежный запах Веры, я понимаю, что этот перерыв возымел обратный эффект: теперь я еще сильнее хочу своего Порочного Ангела.

– Тебе не стоило меня забирать, – серьезно произносит Вера, и я хмурюсь.

– Но я хотел.

– Тогда поехали.

Даже не взглянув на цветы, Вера обходит меня и садится в машину, не позволяя мне быть джентльменом. А мне хочется. Вообще мой Ангел из тех женщин, за которыми хочется ухаживать красиво, но животная сущность берет верх, поэтому я постоянно нападаю на нее. Занимаю место на водительском сиденье и протягиваю Вере цветы.

– Это тебе.

– Спасибо. Но не стоило, – несмотря на свои слова, Ангел все же принимает букет и кладет его себе на колени.

– Как ты себя чувствуешь?

Вера застыла, словно изваяние, и смотрит в лобовое стекло.

– Ты не пиши мне больше, ладно?

– Вера, посмотри на меня.

Мне не нравится ее тон, его холодность, даже отчужденность. Что-то не так с моим Ангелом, и я хочу знать, что именно. Она медленно поворачивается ко мне, но смотрит словно сквозь меня. В глазах пустота и как будто отчаяние. Но разве я могу судить об этом со своим скудным опытом? Поднимаю руку и провожу тыльной стороной ладони по ее щеке.

– Я скучал по тебе. – Вера молча смотрит, но теперь, кажется, уже прямо мне в глаза, и наконец видит их. – Поэтому писал. Я старался не высказывать то, что хотел сказать на самом деле.

– Я знаю. Но просто больше не пиши.

– Звонить? – Она качает головой, а я сжимаю челюсти. –

Почему?

– Потому что я знаю, когда у нас занятия.

– Я хочу отвозить тебя на них.

– Тогда встречай меня у метро в это же время, – она снова отворачивается и смотрит прямо перед собой.

– Я буду здесь каждый день. Вера? – Ангел смотрит на меня. – Иди сюда.

Рывком притягиваю ее за шею, и наши губы встречаются. Жадно, порывисто. Мы оголодали за эти дни. Сердце срывается и молотит по грудной клетке, будто пытается протаранить ее и вырваться наружу. Я нависаю над Порочным Ангелом, сминая ее губы и нежную кожу шеи. Наконец я дорвался до своего любимого деликатеса, и теперь хочу ее всю. Вера вцепляется в мои плечи и сжимает их, но не отталкивает, а как будто даже наоборот, пытается притянуть ближе, вжаться в меня. За закрытыми веками плывет густой туман, в котором я вижу только ее. Под пальцами бархатная кожа, а салон автомобиля наполнен головкружительным запахом. Я отрываюсь от Ангела, когда понимаю, что дальше остается только раздеть ее и трахнуть прямо здесь, на проспекте, у входа в метро.

– У меня есть для тебя подарок, – я тяжело дышу, а грудная клетка ходит ходуном. Смотрю на припухшие губы Веры, в ее горящие глаза, и с удовлетворением наконец-то отмечаю в них живые эмоции. Протягиваю руку на заднее си-

день и передаю Вере коробочку. – Открой.

– Тимур, не надо было.

– Ангел, я почти всегда учитываю твои желания. И даже обещаю больше не звонить. Но решение о том, когда дарить тебе подарки, я буду принимать сам.

На ее лице появляется крохотная улыбка.

– Ты еще такой мальчишка.

Я хмурюсь. Мне не нравится, что она называет меня мальчишкой. Так она как будто подчеркивает разницу в возрасте, заведомо вырывая пропасть, которую потом будет сложно перепрыгнуть.

– Не называй меня так, – произношу серьезным голосом, а Вера закусывает нижнюю губу и кладет голову на подголовник кресла, при этом не сводя с меня взгляда. Когда ее голова вот так склонена набок, Ангел кажется беззаботнее. В ее взгляде интерес и немного озорства, что ей совсем не свойственно, но точно к лицу. – Давай, открывай, – киваю на коробочку.

Вера развязывает бант на брендовой коробке и поднимает крышку. Молчит, а я жадно ловлю ее эмоции... которых нет.

– Скажи что-нибудь, – прошу после затянувшейся паузы. Я начинаю нервничать. Нравится? Нет? Что за реакция такая?

Вера поворачивается ко мне лицом и, касаясь ладонью щеки, аккуратно скребет ногтями щетину. На ее лице спо-

койная улыбка. Ангел тянется ко мне и прикасается к моим губам своими.

– Спасибо. Они невероятно красивые.

Я снова перехватываю ее за затылок и углубляю поцелуй. Как же, черт возьми, мне мало этих касаний! Вера, позволив немного потерзать ее рот, мягко отстраняется.

– Ты же понимаешь, что я не могу носить их все время?

Я киваю.

– Откровенно говоря, я фантазировал, как ты будешь выглядеть в них голая.

Совершенно неожиданно на ее щеках появляется румянец, и Ангел отводит взгляд. Я запрокидываю за ее ухо тонкую выбившуюся прядь и выпрямляюсь на своем сидении.

– В подстаканнике твой кофе. В этот раз я взял с корицей, – говорю и завожу машину, с удовлетворением отмечая, как Вера достает часы из коробочки и заменяет ими свои старые на тонком запястье. Любуется, крутя рукой из стороны в сторону.

– Почему с корицей?

– Пытаюсь выяснить, какой тебе нравится. Можешь облегчить мне задачу и сразу сказать о своих предпочтениях.

Поймав зазор между машинами, я выезжаю на проспект в сторону отцовского дома. Сегодня я не спешу, потому что наслаждаюсь каждой проведенной вместе с Верой минутой.

– Я не знаю. Всегда пила черный с сахаром.

– Так я просчитался с молоком?

Вера делает глоток из стакана и удовлетворенно мычит.

– М-м-м, этот мне нравится. Нет, точно не просчитался.

И за цветы спасибо, они великолепны.

Настроение, которое было на нуле всю прошедшую неделю, резко улучшается. Я чувствую себя так, словно совершил какой-то нереальный поступок. Чувство собственной значимости раздувает грудную клетку, и я готов свернуть еще пару гор ради этой женщины.

Всю дорогу я рассказываю Вере о том, чему научился за время ее отсутствия, а она, смеясь, отвечает, что, кажется, без нее я учусь быстрее и лучше.

– Ты, конечно, тот еще отвлекающий фактор, но я не хочу, чтобы твои труды прошли даром.

– Ты уже половину этого предложения сказал на русском. Это повод гордиться собой.

– А ты мной гордишься?

Вера молчит, и я бросаю на нее быстрый взгляд. Она снова склонила голову к подголовнику и смотрит на меня светящимися глазами. Блядь, да я готов землю с небом поменять местами ради одного этого взгляда.

– Горжусь, – тихо отвечает она, и меня переполняет чувство бешеного восторга.

Паркую машину и помогаю Вере выйти, на этот раз не облажавшись с манерами. Мы проходим в кабинет и, как только за нами закрывается дверь, и мы оказываемся в тишине помещения, атмосфера меняется. В машине был слышен

шум с улицы, завывания ветра, тихо играло радио, а здесь тишину нарушает только наше дыхание и едва слышный мерный стук настенных часов. Вера даже не успевает положить на стол букет, как я прижимаю ее бедрами к столешнице, набрасываясь на Ангела. Хочу ее до изнеможения, и больше терпеть нет никаких сил.

Глава 11

Саундтрек к главе: Julia Michaels – Heaven

Я сминаю губы Веры, полностью подавляя зарождающееся сопротивление. Правда пару секунд назад она пыталась призвать меня к благоразумию, оттолкнуть, но как-то все неуверенно, дрожащим голосом. Я сжимаю талию Ангела, спускаясь губами по шее, и Вера вздрагивает.

– Тимур, мы не должны.

– Ты уже говорила это, я не внял.

– Сейчас ты говоришь слишком быстро, я не понимаю.

Перехожу на русский, старательно подбирая слова.

– Ты говорила... – снова перепрыгиваю на английский. –

Дальше я не знаю слова. Подскажешь мне? Тащусь, когда ты разговариваешь на родном языке.

– Тимур...

– Вера...

Я слышу ее улыбку. Она как тихое фырканье, которое мой Ангел даже не пытается скрыть. Скольжу ладонями по ее платью из жатой ткани и сминаю грудь. Хочется застонать вслух от невероятных ощущений. Она упругая и полная, больше моих ладоней. Соски словно царапают кожу, вырываясь наружу. Я задираю подол платья и веду ладонями по бедрам.

– Осторожнее, там синяк.

– Не сошел еще?

– Новый.

Я отстраняюсь, нахмурившись.

– Откуда?

– Все тот же комод. Надо его переставить. Стоит прямо на входе в комнату, постоянно его задеваю.

Вера улыбается, но ее глаза – нет. Неужели ее муж не догадался сам переставить гребаный комод, о который она каждый раз травмируется? Что у нее там за придурок, не пойму?

– Я аккуратно.

Снова прикасаюсь к губам Веры, а дальше все как в тумане. Мы жадно целуемся, пожирая стоны друг друга, проглатывая всхлипы и какие-то слова. Срываем мешающую нам одежду и неконтролируемо касаемся друг друга, сминая кожу и прощупывая самые чувствительные места. Я снимаю с Веры бюстгальтер и опускаюсь перед ней на колени, всасывая сосок в рот. Терзаю его губами и зубами, а Ангел царапает кожу моей головы и выгибает спину. Она стонет не громко, но так, что от каждого звука у меня по телу бегут мурашки. Мое имя на повторе срывается с ее губ, и я прикусываю сосок, вырывая новые эмоции, которые зеркалят мои – горячие и бурлящие. Сжимаю грудь Веры, медленно продвигаясь вниз. На ней кружевное белье бежевого цвета, которое еще сильнее подчеркивает синяк на бедре, он расплзся, словно пятно нефти на безупречно чистой воде. Я обвожу губами контуры этого пятна, но Вера мягко отстраняет меня.

– Не надо.

Провожу языком по внутренней стороне ее бедра, а потом отодвигаю трусики в сторону и делаю глубокий вдох. Я уже ощущал этот запах, и он стал виновником того, как меня повело. Как только язык касается влажных складочек, Вера громко охает, а я стону прямо в ее нежную кожу. Потрясающее ощущение, а осознание того, что ей при этом хорошо, заставляет чувствовать себя королем мира. Сколько бы я ни занимался сексом, то, что мы делаем сейчас, кардинально отличается от прошлых ощущений. Я еще даже не вошел в своего Порочного Ангела, но чувство такое, будто уже балансирую на грани оргазма. Он зарождается где-то в голове, щекочет затылок и горячими волнами спускается по позвоночнику. Не могу оторваться от нее, без остановки кружу языком, вырывая из Веры все новые и новые звуки. Она стонет, всхлипывает и иногда даже пытается оттянуть меня за волосы, повторяя мое имя. Но нет, я ни за что не оторвусь от нее, пусть даже мир вокруг рухнет. Тело Ангела на мгновение каменеет, а потом содрогается мелкой дрожью, которая сопровождается протяжным тихим стоном. А мне хочется, чтобы она кричала мое имя во весь голос, не сдерживаясь. Собираю языком ее удовольствие, не упуская ни капли, и поднимаюсь, довольно облизываясь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.